

<https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-316-361>

<https://elibrary.ru/QOYPFG>

УДК 821.161.1.0

Научная публикация архивных материалов /

Scientific Publication of Archival Materials

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

«ОСВОБОЖДЕННЫЙ МИР» ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА В ПЕРЕРАБОТКЕ СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО

© 2024 г. Д.С. Московская

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Д.С. Московской

Аннотация: Переработанная и сокращенная версия романа Г. Уэллса «Освобожденный мир», выполненная С.Д. Кржижановским летом 1923 г., была выявлена в архиве Госиздата Отдела рукописей ИМЛИ РАН; печатается впервые. Кржижановский использовал не оригинал романа, а перевод, выполненный М. Ликиардопуло в 1914 г. В своей работе Кржижановский, очевидно, учитывал идеологический контекст времени и, с одной стороны, сокращал, а с другой — «расширял» Уэллса, стремясь сделать роман доступнее рабоче-крестьянской массе. Название романа теряет содержательно слишком общий, абстрагирующий конкретное классовое содержание подзаголовок «Повесть о человечестве». Очевидно, что переработка перевода Ликиардопуло осуществлялась не механически, а с учетом того образа, который должен был возникнуть у русскоязычного рабоче-крестьянского читателя. Рукопись

была направлена в литературно-художественный отдел Госиздата для серии «Изба-читальня», но не прошла цензуры, и была отклонена как произведение утопическое и неправильно освещающее социальные явления. Переработка романа Уэллса, выполненная Кржижановским, публикуется впервые.

Ключевые слова: Сигизмунд Кржижановский, Герберт Уэллс, публикация, архив, перевод, переработка, сокращение, цензура, массовый читатель, серия «Изба-читальня», Госиздат, «Всемирная литература», Е. Замятин, А.М. Горький.

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом рукописей, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>

E-mail: darya-mos@yandex.ru

Для цитирования: *Московская Д.С. «Освобожденный мир» Герберта Уэллса в переработке Сигизмунда Кржижановского / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Д.С. Московской // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 4. С. 316–361. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-316-361>*

Переработка романа Герберта Уэллса «Освобожденный мир» (оригинальное название “The World Set Free. A Story of Mankind”, 1914), как следует из авторской датировки предисловия, была завершена С.Д. Кржижановским 19 июля 1923 г. На самодельном титульном листе рукописи черными чернилами в верхнем поле по центру рукою Кржижановского сделана запись: «Г. Уэллс. Освобожденный мир». В нижнем поле справа его же рукой помета «Сократил и переработал С. Кржижановский (Арбат. Б.- Толстовский д. 3, кв. 5.)».

Штамп Госиздата на титульном листе удостоверяет, что рукопись поступила в издательство 31 июля 1923 г. В тот же день, как сообщает помета красными чернилами на титульном листе, из литературно-художественный отдела (серия «Изба-читальня») она была отослана на цензурирование. Штамп, датированный 25 сентября 1923 г., сообщает, что рукопись была получена политическим отделом Госиздата. Спустя почти три месяца, 28 декабря 1923 г. редакционный сектор получил заверенное неразборчивой подписью заведующего политотделом заключение: рукопись С.Д. Кржижановского отклонена. Заключение, составленное на бланке политотдела с инструкцией дать «точное указание мест политически недопустимых или сомнительных», уведомляет:

Переделка совершенно не выявляет классового характера войны и причин ее возникновения. Образование «Международной республики», являющейся по мнению Уэллса и автора переделки единственным средством спасения человечества, осуществляется буржуазными правительствами и носит совершенно утопический характер. Издавать произведение, неправильно освещающее социальные явления, не следует, в особенности по сети «Имба-читальня».

Зав. политотделом <нрзб>

Секретарь М. Волохов.

Работа Кржижановского над адаптацией фантастического романа Уэллса для широкого читателя из народа выпала на второй год его московской жизни: писатель прибыл в столицу из Киева в марте 1922 г. В Москве он устроился преподавателем в студию Камерного театра, в котором в декабре 1923 г. состоялась премьера его пьесы «по схеме Честертона» «Человек, который был Четвергом». На тот же 1923 г. приходится его попытки реализовать свой потенциал писателя и переводчика, и выбор падает на роман «Освобожденный мир» Герберта Уэллса, уже издававшийся в полном переводе М. Ликиардопуло в 1914 г. [13] и переизданный в 1919 г. [14].

Герберт Уэллс, представитель молодого межвоенного, «бунтарского» поколения, склонный к «диспутам о философии социализма и формулированию политики для “рабочего класса”» [11, с. 35], был известен дореволюционному русскоязычному читателю с 1898 г., когда в журнальных публикациях начали появляться первые очерки о творчестве английского фантаста, а затем и первые переводы его рассказов, новелл и романов [3, 4]. В 1902 и 1905 гг. Уэллс был открыт в России заново благодаря серии социологических трактатов — «Предвидение будущего» (1901), «Открытие будущего» (1902), «Формирование человечества» (1903), «Современная Утопия» (1905), «Новые миры вместо старых» и «Во что я верю» (1908), которые изменили понимание фантастических романов писателя: «Уэллс в фантазиях своих не только художник, но и социолог», представил своих произведениях «программу будущего», ответил на вопрос, «как надо жить» [4, с. 7–40]. В 1914 г. Уэллс посетил Петербург и Москву. Впечатления от этой встречи нашли отражение в опубликованном в 1918 г. в Великобритании романе «Джоана и Питер» (русский перевод появился в 1924 г.).

Интересу к Уэллсу в советской России поспособствовал А.М. Горький. Он познакомился с писателем в 1906 г. во время посещения США.

Встречались они и в мае 1907 г. в Лондоне, куда Горький приехал как участник V съезда РСДРП. Тогда Чарлз Райт, английский публицист и пропагандист русской литературы, дал обед в честь Горького, на котором познакомил его ведущими британскими писателями. Горький ценил талант Уэллса, и в 1916 г. опубликовал в журнале «Летопись» его антивоенную повесть «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна», назвав ее *лучшей, наиболее смелой, правдивой и гуманной книгой*. В том же 1916 г. Горький решил привлечь писателя к работе над серией «Жизнеописание замечательных людей» в издательстве «Парус», собираясь поручить Уэллсу биографию Томаса Алва Эдисона.

В 1920 г. Уэллс вторично посетил Россию. Тогда писатель поселился у Горького и 28 сентября был приглашен на заседании ПетроКУБУ, где Горький как председатель представил английского гостя собравшимся: «Он прибыл в Петроград как частное лицо, как гость; цель его поездки ознакомление с материальной и духовной жизнью русского народа, в частности — с положением науки; он является представителем той части Великобританского общества, которая стремится к восстановлению связи с Россией и ее народом» [9, с. 63].

Поездка Уэллса была инициирована советской стороной — в советскую Россию его пригласил Л.Б. Каменев, посещавший Лондон в качестве члена русской торговой делегации [15, с. 9]. Пребывание в Республике было недолгим — всего пятнадцать дней, однако оно ознаменовалось важным и желанным для Уэллса событием — встречей с «кремлевским мечтателем» В.И. Лениным. Итогом краткого путешествия стала публикация сначала в Великобритании в том же 1920 г., затем в 1922 г. в России сборника «Россия во мгле» (“Russia in the Shadows”). Своей книгой Уэллс стремился убедить западные страны в необходимости признания советского правительства или, по крайней мере, в пользу торгового сотрудничества с большевиками; сам же по возвращении на родину инициировал в Лондоне работу комитета по снабжению петроградского Дома ученых новейшей научной литературой и участвовал в оказании материальной поддержки советским ученым¹.

Что касается Горького — одного из главных медиаторов культурного обмена между Республикой и Западом, то в первые месяцы 1919 г., когда в стране полыхала Гражданская война, он использовал свои политические ресурсы для организации нового книгоиздательства «Всемирная литература». Горький преследовал несколько целей: в-первых, помочь гуманитарной интеллигенции, писателям и пере-

¹ О демократических социальных проектах Уэллса см.: [10].

водчикам, получить заказы на работу, что позволило бы им выжить в условиях голода и разрухи. Во-вторых, реализовать давно задуманные культуртрегерские планы по публикации «брошюр народного издания» с переводами зарубежных писателей, таких как В. Скотт, М. Твен и Г. Уэллс. Как комментировала этот проект «Известия» от 13 июня 1918 г., издательство «Всемирная литература» «задалось целью сделать мировую литературу XIX века прочным достоянием русской читательской массы». Официально зарегистрированная при Наркомпросе РСФСР 4 сентября 1918 г. «Всемирная литература» «заявила 13 июня 1919 г. о создании в издательстве двух серий книг: основной и народной» [6, с. 414]. В том же 1919 г. во «Всемирной литературе» под редакцией Е. Замятина выходит перевод романа Уэллса «Спящий пробуждается».

Уэллсом интересовалось издательство «Эпоха», где в январе 1922 г. вышел в свет критический обзор Е. Замятина «Герберт Уэллс» [3]. Этому событию предшествовали неудавшиеся попытки Горького издавать Уэллса и других известных иностранных писателей — Р. Роллана, Дж. Голсуорси, С. Цвейга, Ф. Элленса во вновь созданном журнале «Беседа» (1923–1925), за публикацию которого взялось берлинское отделение «Эпохи», руководимое С.Г. Каплуном-Сумским. В отсутствие финансирования журнал, адресованный русской эмиграции, советским и зарубежным читателям, вскоре заглох, а горьковский замысел популяризации творчества Уэллса унаследовала «Всемирная литература». Как следует из протоколов «Всемирной литературы», 21 февраля 1922 г. на заседании правления Замятин сообщал о просьбе руководства издательства ускорить работу над переводом «Неугасимого огня» Уэллса; 31 марта 1922 г. он представил свою статью к этому роману; 13 февраля и 27 февраля 1923 г., а также 19 февраля и 21 октября 1924 г. редакция обсуждала возможность издания «Всемирной истории» Г. Уэллса².

На 1922–1923 гг. приходится общий поворот советских издательств к массовому рабоче-крестьянскому читателю [7]. В Госиздате с 1924 г. в серии «Изба-читальня» «Библиотеки для крестьян и рабочих» начали выходить в свет художественные произведения, адресованные низовому читателю — в эту серию и направил свой перевод Кржижановский, отвечая и общей моде на Уэллса, и социальному заказу на ознакомление «низового» рабоче-крестьянского читателя с лучшими произведениями мировой литературы.

² См.: <https://vsemirka-doc.ru/component/search/?searchword=Уэллс&searchphrase=all&Itemid=116>. © Сайт создан по проекту РНФ № 21-18-00494.

Издательский договор с Госиздатом мог открыть Кржижановскому дорогу в элитарную «Всемирную литературу». В 1923 г. «Всемирная литература», подчинявшаяся петроградскому отделению Госиздата, переживала финансовый конфликт с руководством местного отделения И.И. Ионовым. О переходе издательства в ведение московской головной конторы хлопотал в тот год член издательской группы А.Н. Тихонов (Серебров). Однако его старания не увенчались успехом, и 13 декабря 1924 г. «Всемирная литература» вернулась под крыло ленинградского отделения Госиздата³ в качестве Иностранного отдела его редакционного сектора.

Таким образом отрицательное заключение политотдела лишило Кржижановского возможности стать автором Госиздата, а также перспективы сотрудничества с «Всемирной литературой» в случае ее перехода в ведение московской конторы.

Предисловие, составленное Кржижановским к сокращенной версии «Освобожденного мира», было написано спустя полтора года после появления критического очерка Замятина «Герберт Уэллс» и имеет в ней ряд сходств. Оба восхищались неистощимостью выдумки Уэллса, оба были согласны с тем, что фантастика Уэллса есть продолжение реальности и следствие ее последовательно логического развертывания в воображении художника. Кржижановский пишет: «Если люди передвигаются в пространстве взад и вперед, как хотят <...> тоотчегобыимненаучитьсяпродельватьтожесамоеивовремени.<...> пароходная машина, ведя судно вниз по реке, может опережать ее течение; мало того, также машина может гнать судно и против течения. Так и работает сказочная “машина времени” Уэллса»⁴. Согласно Замятину, нарисованное Уэллсом «“Грядущее” — это сегодняшний город, показанный через чудовищно-увеличивающий, иронический телескоп» [3]. Замятину близок урбанизм фантазий Уэллса, их научно-технологический характер. Этим же свойством уэллсовской фантастики дорожит Кржижановский, по мнению которого Уэллс предсказывает ближайшие успехи научной техники исходя из современного состояния науки и технологий. Сопоставление брошюры Замятина, посвященной Уэллсу, с предисловием Кржижановского уточняет уже рассмотренную в современном литературоведении связь поэтики Кржижановского и Замятина [8, с. 186–192], дополняя ее ясно прослеживаемым посредничеством фантастических миров, созданных Г. Уэллсом и оказавших определенное воздействие на твор-

³ См. об этом подробнее: [1].

⁴ С. 325 наст. изд.

ческую лабораторию обоих русских писателей, которые пробовали себя — как Замятин, и реализовывали свой талант — как Кржижановский, в урбанистическом фантастическом жанре.

Что касается восприятия Г. Уэллса в предвоенные годы в СССР, то политические установки, высказанные в кратком политическом заключении Госиздата на перевод «Освобожденного мира», оказались пророческими. В 1927 г. С. Динамов в статье «Герберт Уэллс. (Опыт характеристики)»⁵, где основной раздел был посвящен социальной фантастике Уэллса, содержательно повторил их. Как автор политического отзыва, указавшего, что переделка человечества, по Уэллсу, в конечном счете должна сосредоточиться в руках буржуазного правительства, Динамов утверждал, что «евангелие» спасения, начертанное в «Освобожденном мире», принадлежит диктатуре меньшинства — интеллигенции, ученым. В глазах пролетарской критики «фабианские утопии» Уэллса были несовместимы с классовой борьбой и революцией как средством достижения социальной гармонии. «Путь развития общества — революционный, а не эволюционный, и схема Уэллса — это только схема желаемого, но не осуществимого»⁶, — заключил С. Динамов.

В предвоенной критике Уэллса по-прежнему преобладала ирония над «социальными выдумками» английского фантаста⁷. В последний приезд Уэллса в СССР в 1934 г. состоялась его встреча со Сталиным, в ходе которой, как сообщает Литературная энциклопедия (1939), стало ясно, что Уэллс не понимает значения советской стройки и защищает идеи технократии и социализма «по Рузвельту». Сталин указал Уэллсу на несостоятельность этих идей: «<...> капитализм будет уничтожен не “организаторами” производства, не технической интеллигенцией, а рабочим классом, ибо эта прослойка не играет самостоятельной роли» [2, стб. 630–634]. В 1930-х гг. имя Уэллса в советской критике ассоциируется с фашизмом. После 1938 г. произведения Уэллса в СССР не переводятся и не печатаются. Возвращение творчества Уэллса к советскому читателю начинается после смерти писателя в 1946 г. в новой социально-политической обстановке.

⁵ Динамов С. Герберт Уэллс. (Опыт характеристики) // На литературном посту. 1927. № 24. С. 41–53.

⁶ Динамов С. Герберт Уэллс. (Опыт характеристики) // На литературном посту. 1927. № 24. С. 44.

⁷ «<...> социальной выдумкой Уптона Синклера, Уэллса, Толлера, Маяковского, брезжит в утомленном мозгу. Это не про нас написано» [12, с. 76]; «Благочестивые проповеди Уэллса в “Неугасимом огне” и прочих романах на эту тему звучали особенно ханжески» [13, с. 42].

Скорее всего, Кржижановский использовал для своей переработки и сокращения не оригинал романа, а выдержавший пять переизданий перевод, выполненный М. Ликиардопуло, прежде всего потому, что перевод Ликиардопуло достаточно точно следует английскому источнику. Как сообщает сам Ликиардопуло, он был лично знаком с Уэллсом, который рассказал будущему переводчику содержание своего романа, задуманного еще летом 1912 г.

В переработке Кржижановского большой интерес вызывает то, каким образом он, с одной стороны, сокращает, а с другой — «расширяет» Уэллса, стремясь сделать роман доступнее рабоче-крестьянской массе. Так, в одном из эпизодов меняется образ рабочей демонстрации: читатель Кржижановского может предположить, что требование «Работы, а не милостыни» было не единственным лозунгом⁸; опускаются те характеристики бастующих рабочих, которые представляют их лишенными классовой пассионарности — отчаяние, слабосилие, бесцельность, неприспособленность к квалифицированному труду; появляются дополнительные признаки — спокойствие обреченных. Название романа теряет содержательно слишком общий, абстрагирующий конкретное классовое содержание подзаголовок «Повесть о человечестве». Очевидно, что переработка перевода Ликиардопуло осуществлялась не механически, а с учетом того образа, который должен был возникнуть у русскоязычного рабоче-крестьянского читателя. В ряде случаев некоторые слова Кржижановский сопровождал поставленным в круглые скобки знаком вопроса, который можно интерпретировать как предварительную разметку сносок, разъясняющих неподготовленному читателю иностранные реалии: «полисмен», «штепсель», «фокстерьер», «таможенный» и проч. И сокращение, и «дописывание» (включение отсутствующих в оригинале и у Ликиардопуло фраз, реплик, целых пассажей) Кржижановский производил, очевидно, исходя из той же задачи: прояснить реалии, убрать слишком пространные описания, акцентировать «правильные» классовые характеристики⁹.

Переработка перевода иностранного произведения отражает распространенную в советской России в 1920–1930-х гг. практику

⁸ На одном из плакатов он прочел: «Работы, а не милостыни!»: см. с. 334 наст. изд.

⁹ Благодарю Валентину Сергеевну Сергееву за произведенное ею сличение переработки романа Кржижановским с оригиналом и переводом Ликиардопуло и сделанные на этом основании выводы.

переиздания дореволюционных переводов классиков мировой литературы, которая сопровождалась интенсивной редактурой как в формальном (исправление старой орфографии), так и в содержательном плане. Использование готовых (старых, дореволюционных) переводов удешевляло и ускоряло издание, а их редакция (переработка) имела смысл идеологической цензуры¹⁰, с которой, как следует из политического отзыва, Кржижановский не справился. В 1920-е гг. — в формативный период советской государственности — политический контроль за отбором иностранных произведений для знакомства с ними широких масс трудящихся был частью борьбы новой и старой культурных элит в поле власти и литературном поле. Так, в 1927 г. секретарь комфракции Всероссийской ассоциации пролетарских писателей А. Зонин и секретарь Международного бюро Пролеткульта Б. Иллеш направили в Отдел печати ЦК ВКП(б) докладную записку, в которой уведомляли:

В области ознакомления советского читателя с иностранной художественной литературой в переводах — на нашем книжном рынке господствует полная анархия.

Можно отметить ряд тенденций или вовсе противоположных целям и задачам нашей литературно-издательской политики или удовлетворяющих им в самых незначительных размерах.

Так, частные издательства выпускают в значительной мере антихудожественную бульварную мещанскую литературу; издательства «Всемирная литература» (ГИЗ) и «Книжные новинки» («Прибой») следуют за ними: издательство «Академия» печатает отнюдь не классовых, а рассчитанных на изощренный вкус буржуазных художников (Ренье, Поль Аден, <нрзб>, Пруст, Мериме) и т.д.¹¹

Публикуемые предисловие и перевод Кржижановского представляют собой рукописи с процессуальной, т. е. производимой в ходе написания правкой: непосредственно за вычеркнутыми фрагментами следует новая версия текста; надстрочные исправления не отличаются ни цветом чернил, ни манерой письма и также производились в ходе написания. Беловой рукописи, по-видимому, не существовало, и текст был передан в Госиздат в черновом виде.

¹⁰ Московская ассоциация переводчиков. Протокол 2-го пленарного заседания Квалификационной комиссии // ОР ИМЛИ. Ф. 51 (ФОСП). Ед. хр. 125. Л. 4.

¹¹ ОР ИМЛИ. Ф. 155 (ВАПП). Ед. хр. 190. Л. 13–13 об.

Печатается впервые по первоисточнику из ОР ИМЛИ РАН. Ф. 7 (Госиздат). Оп. 1. Ед. хр. 794. 62 л. в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Авторские подчеркивания сохраняются; вычеркнутые слова и фрагменты восстановлены в постраничных сносках.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ МИР

Г. Уэллс

(краткие биографические данные)

О писателе Герберте Уэллсе заговорили лет двадцать тому назад, после того как он показал людям свою диковинную «Машину Времени». Книжка эта крепка своей «выдумкой»: если люди передвигаются в пространстве, взад и вперед, как хотят, — фантазирует Уэллс, — то отчего бы им не научиться проделывать то же самое и во времени. Машины возят нас из конца в конец земли, отчего бы не смастерить машины для перевозки из настоящего в будущее или в прошедшее. В народной песне слышим: «день за днем будто дождь дождит, а неделя за неделей как река бежит...». Если воображать себе течение времени в виде течения реки, то ведь известно, что, скажем, пароходная машина, ведя судно вниз по реке, может опережать ее течение; мало того, также машина может гнать судно и против течения. Так и работает сказочная «машина времени» Уэллса, и с тех пор, как он придумал ее, почти все его новые писательские работы сводятся к простой проверке хода и прочности диковинной «машины». Сев в нее, Уэллс иногда правит против течения дней, заставляя прошлое второй раз явить, тогда появляется, например, его «Сказка каменного века», возвращающая нас к жизни древнего пещерного человека; но чаще всего он, пустив свою машину, пробует перегнуть время: таковы домыслы его романов «Когда сидящий проснется» и «Во дни кометы», в которых говорится о жизни людей через 200 и более лет после нас.

Но предсказывать будущее за 200–300 лет вперед, дело, если и мудреное, то во всяком случае безответственное: поди проверь. И Уэллс, не боясь поверки и критики своих домыслов и предчувствий, останавливает, зачастую, свою машину за 20–30 лет впереди сегодняшнего дня. Таковы — его научная работа (доступно написанная) «Предвидения», предсказывающая ближайшие успехи научной техники, и романы — «Война в воздухе», описывающая (вышла десять лет тому назад) приемы будущей войны, перенесенной автором с Земли в воздух (многое из предсказанного осуществилось в минув-

шую войну 1914–18 гг.), и «Освобожденный мир»: будучи написан за год до последней мировой войны, роман этот с удивительной ясностью предвидит необходимость Единой Мировой Республики трудящегося человечества, мировое правительство, которое явится, рано ли поздно, ответом на Мировую Войну. Некоторым потребностям в описании уклада мира, освобожденного от войн и царей, русский читатель не поверит (например, рассказ о раскаявшемся царе Эгберте), но основное романа нельзя не принять.

С.К.

19 июля 1923 г.

Освобожденный мир.

Глава первая. Охотники за солнцем.

1.

Большелобый юноша, подтянув колени длинных худых ног к самому подбородку, впился глазами в лектора. Лектор, окруженный двумя сотнями тесно сдвинувшихся слушателей, продолжал:

— ...итак надо уметь взять солнце. На солнце — по пословице: «во все глаза не взглянешь». Но чего не умеют глаза, должна уметь мысль. Вся сила, впряженная в наши машины, все тепло, излучаемое нашими печами и аккумуляторами, отняты у солнца. Наши глаза и телескопы ищут его там, — говоривший протянул руку к верхнему краю зеркального окна, и сотня глаз тотчас повернулась навстречу лучам послеполуденного света: — Но солнце можно отыскать и тут, — оратор опустил руку книгу, — в земле, в слоях каменного угля и торфа, да, в любом клочке вещества. Солнце светит непрерывно, не зная ни роздыху, ни ночи, миллионы и миллионы лет, и в каждой пылинке, в каждой щепотке земли находились такие запасы тепловой силы, о которых мы еще недавно не имели никакого понятия. Вот в этой, например, крохотной бутылочке спрятано 5–6 золотников вещества, называемого «уран».

В зале послышалось легкое шуршанье: несколько десятков тел вытянулись по направлению к сверкнувшей в руке профессора склянке:

— Вам даже на десять шагов еле видимо содержимое сосуда, — возвысил голос, говоривший, — а, между тем, если бы я, одним чудесным словом, мог мгновенно освободить силу, зажатую под этой вот стеклянной пробкой, и все бы — мы, стены, и весь этот огромный дом разлетелись бы в куски. Но пока ни один человек не умеет тут этого сделать: страшная сила, спрятанная вот тут, истекает — но мед-

ленно, как бы по капелькам. «Уран» незаметно превращается в так называемый «радий»; «радий» — в особый газ и так далее... Задача, поставленная уму: ускорить процесс; сплющить столетие до объема секунды, и тогда...

Длинноногий студент что-то лихорадочно отметил на клочке бумаги и снова поймал глазами шевелившиеся губы профессора:

— О, эта игра солнца с человеком в прятки: она длится тысячелетия. Сначала выигрывало солнце: оно показывало свой огонь издали, с неба, несколько веков мысль дикаря искала его, пока отыскала первую искру здесь, вблизи, между двух кусков кремня, ударившихся друг о друга, между ладонями рук, трущих дерево о дерево. Огонь тогда не знал никакого человеческого контроля: загорался испепеляющим леса, бил по земле молнией, и человек долго боялся хотя бы приблизиться к нему. Но понемногу все изменилось: сейчас огонь работает на нас внутри наших доменных печей, паровозов, локомотивов, машин; одним поворотом штепселя¹² мы зажигаем и гасим его, гоним по проволоке на сотни и сотни верст. Захлопнув его за слонками и шлюдяными оконцами, мы теперь уже не боимся нашего когда-то страшного врага, но он еще не побежден. Дикарь, научившийся добывать искру ударом камня о камень, и не подозревал о возможности электрической машины, дающей искру в сотни тысячи раз сильнейшую; засыпая у своего первого костра из вереска и сухой травы, мог ли он хотя бы во сне увидеть раскаленную стальную толщу заводской топки?¹³

Лектор остановился, переводя дыхание:

— Но мы накануне таких открытий, — продолжал он, — какие могут испугать, пожалуй, самого бесстрашного: и вся наша сегодняшняя техника с ее машинами, взрывчатыми веществами и паутиной электрических проводов, слабосильна и жалка по сравнению с техникой ближайших же десятилетий приблизительно также, как свет какой-нибудь гнилушки по сравнению со светом солнца! Сила, нужная нам, — здесь, вокруг нас: но сундуки с солнечным золотом зашелкнуты пока на замок, и вся остановка лишь за человеком, который бы отыскал к ним ключ и имел силу повернуть его в замке¹⁴.

¹² Далее знак вопроса в скобках.

¹³ Далее вычеркнуто: Все наши машины только пара жалких кремней, положенных рядом. Если подумать о возможностях, к которым подводят нас последние открытия в области науки со всеми этими слабосильными...

¹⁴ Далее вычеркнуто: И тогда вечная борьба за существование, рождаемая скудостью природных сил, подвластных человеку. Пустынные земли зацветут, мы растопим лед у полюсов и сделаем их обитаемыми.

Лектор вдруг оборвал. Слушатели с минуту сидели смирно: потом все зашумело и задвигалось. Лобастый юноша распрямился и, работая локтями, протискивался к выходу. Выйдя на улицу, он шел¹⁵, чуть вытянувшись и прислушиваясь, как если б лекция невидимо для него продолжалась. Дома вокруг уменьшились, будто вдавливаясь в землю. Медленный — широкий шаг юноши стучал уж по шоссе за городом. За дальними холмами садилось солнце. Лучи его были будто подстрижены, и красновато-золотистый шар висел¹⁶ отяжелевшей массой¹⁷ над самой землей. Юноша вдруг остановился. Будто стряхнув с себя дрёму, он всматривался острыми глазами в палящее солнце. Вдруг смелая улыбка развела ему губы.

— Эй, ты, старина! —¹⁸ крикнул он туда, в закат, молодым и задорным голосом. — А ведь мы тебя когда-нибудь изловим!

2.

Юноша¹⁹, угрожавший солнцу, не удовлетворялся общими словами: десять лет он работал над изучением новых взрывчатых веществ, пока весь мир не узнал его имени: Холстен. Первое открытие Холстена было сделано весной 1933 года: молодой ученый²⁰ вызвал распадение внутри крохотной пылинки «висмута» — пылинка разорвалась с неожиданно яростной силой, звякнули стекла, с грохотом рухнула²¹ часть штукатурки с потолка; Холстену обожгло лицо и слегка поразило руку, но в этот день он был счастлив. Но он сделал здоровой рукой приблизительный расчёт, — и долго с гордой, но еще опасливой улыбкой рассматривал щепотку сине-серого порошка, таящего в себе новую великую силу²². Он вспомнил о лекции, слышанной им десять лет тому назад:

— Ключ найден — прошептал он. — Остается его повернуть.

²³Холстен, как известно, давно уже умер, но от него остались много раз издававшиеся «записки»: из них мы видим, что в тот памятный день он от понятного волнения не мог продолжать работы. Он отпра-

¹⁵ Далее вычеркнуто: глядя неподвижно перед собой.

¹⁶ Далее вычеркнуто: над клубками туч.

¹⁷ Далее знак вопроса в скобках.

¹⁸ Далее вычеркнуто: закричал он.

¹⁹ Вычеркнуто: Человек

²⁰ Далее вычеркнуто: работал в своей лаборатории

²¹ Далее вычеркнуто: обвалилась

²² Далее вычеркнуто: разрушения.

²³ Вычеркнуто: Теперь

вился, чтобы отдохнуть и рассеяться, пешком к окраинам Лондона. Он шел среди красивых старинных домов и красного кирпича; вот пруд; белая заново отштукатуренная гостиница с вьющимися цветами над навесом крыльца; церковный купол меж черепичных крыш. Холстену казалось, будто все это из тонкого картона: толкни и²⁴ упадет.

Вдалеке играл оркестр. На дорожках сада, у пруда, на скамьях — всюду²⁵ люди. Холстен²⁶ опустил на край одной из скамей. Рядом сидело двое: мужчина и женщина.

— Ко мне хорошо относятся в конторе, — говорил мужчина, — обещали прибавку. И когда мы, Хетти, с тобою поженимся...

Холстен поднялся и²⁷ шагал дальше²⁸:

— А ведь все это — конченное, — пробормотал он и не знал, радостно ли ему или жутко.

«Я чувствовал себя, — привожу его подлинные слова, — чем-то вроде идиота, подарившего ящик заряженных револьверов детскому приюту».

На обратном пути Холстен встречал своего знакомого²⁹, некоего Лоусона. Лоусон был всецело занят своей собакой, породистым фокс-терьером³⁰, но успел все-таки спросить Холстена о здоровье. Сев у столика одного из дешевых садовых трактирчиков, они спросили пару бутылок пива. Холстену было необходимо поделиться хоть с кем-нибудь накопившимися мыслями и чувствами. Ему казалось, что помолчи он еще час-два, и самую голову ему разорвет от стеснившихся в ней планов и замыслов. Он начал сначала спокойно, после все более и более увлекаясь, рассказ о своем открытии.

Лоусон, наморщив брови, казалось, слушал.

— Пройдет³¹ несколько лет, — говорил ученый, — и мое открытие изменит в корне все приемы и способы ведения войны, решит по-новому все вопросы передвижения, строительства, земледелия, фабричного производства. Мало того...

Вдруг Лоусон вскочил на ноги, стуча палкой по столу:

— Бобс, назад! Фью-фью! Назад, проклятый пёс!

²⁴ Далее вычеркнуто: рухнет

²⁵ Далее вычеркнуто: спокойные

²⁶ Далее вычеркнуто: сел

²⁷ Далее вычеркнуто: шел по дороге

²⁸ Далее вычеркнуто: взглянул на церковный шпиль, оглянулся

²⁹ Далее вычеркнуто: по фамилии

³⁰ Далее знак вопроса в скобках.

³¹ Далее вычеркнуто: два-три

Одно мгновение³² ученый удивленно смотрел³³ на слушателя: сосредоточившись на своих мыслях, он³⁴ забыл было, где он и кому говорит. Потом он пробормотал «ну что ж» и допив кружку пива, простился с собеседником.

Было уже совсем темно, когда Холстен вернулся к себе: он долго сидел у желтого круга лампы и думал:

— А ведь человек не всегда был таким. Стремление к маленькому домику, крохотному куску земли и куцему счастью не всегда владели³⁵ им. Когда-то в незапамятные времена его влекло к опасным приключениям, открытию новых стран, он был любопытен и беспокойен. Правда, в течение нескольких тысяч лет, он осел, прикрепился к земле, стал боязливо следить за сменой погоды и времен года, шептать свои трусливые молитвы, молотить зерно и давить виноград, — но, все же тот древний ловец солнца, беспокойный странник и боец еще жив: пленен, но жив.

Холстен не спал ночь: отчасти сну мешала острая боль в руке, отчасти та особая боль в³⁶ уме, которую привыкли называть «мысль». «Записки» его, помеченные этим днем кончаются, так: «Итак, началось. Не мне заботиться о последствиях, которых я не могу и предвидеть. И все равно: сожги я сейчас все мои бумаги, через три-четыре года придет другой и откроет то же самое».

3.

Холстену еще при жизни удалось увидеть, как открытая им сила стала вытеснять все другие силы. Уже к 1953 году взрывы крохотных частиц Холстенова вещества толкали поршни огромных машин, крутили винты кораблей и пропеллеры³⁷ аэропланов. Моторы Холстена по весу и величине казались карликами по сравнению с громадными и неуклюжими³⁸ сооружениями, применявшимися еще двадцать лет тому назад.

Огромные блиндированные чудовища, называвшиеся прежде «автомобилями», были свалены, за ненадобностью, в лавки торговцев старым железом, а большие дороги стали кишмя кишеть легкими,

³² Далее вычеркнуто: Холстен

³³ Далее вычеркнуто: не без изумления

³⁴ Далее вычеркнуто: он не замечал происходившего

³⁵ Далее вычеркнуто: его душой

³⁶ Далее вычеркнуто: голове

³⁷ Далее знак вопроса в скобках.

³⁸ Далее вычеркнуто: машинами

чистыми сверкающими машинами из посеребрённой стали. Машины системы Холстена благодаря легкости, простоте и огромной мощности силы, включенной в их цилиндры³⁹, были необычными, но малосильными машинами старых конструкций. И все бросились приобретать и применять новую силу: сотни изобретателей трудились над применением нового открытия к самым различным областям промышленности. Тогда понемногу стала надвигаться катастрофа⁴⁰. Угольные печи вследствие открытия нового, в тысячи раз более легкого и удобного для перевозки источника тепла, были приговорены к бездействию: огромные капиталы, вложенные в нефтяное дело, превратились в ничто; миллионы углекопов, рабочих и нефтяных колодцев и вообще множество опытных работников всякого рода отживших и обесмысленных неожиданным открытием производств ежедневно толпами выбрасывались на улицу; быстрое удешевление машины понижало и заработную плату, начиналось время стачек и беспокойного брожения.

В 1955 году число самоубийств учетверилось. И сразу же обнаружилось, что не только широкие массы, но даже правительства совершенно неподготовлены к промышленному перевороту. А тем временем наука, не оглядываясь на топчущуюся на одном месте, совершенно растерявшуюся жизнь, знай, шла все вперед и вперед. Вскоре ученики Холстена натолкнулись на казавшееся раньше невозможным⁴¹: именно, на явление⁴², так называемого, длительного взрыва. Был приготовлен состав, названный «Каролинумом», который, будучи воспламенен, поддерживал и длил взрыв в течение десятков дней: это была как бы⁴³ делящаяся молния, которая, раз ударив, не гаснет, а жжет и разрушает беспрерывно. Сила каролинума была столь⁴⁴ огромна, что испытать его действие в сколько-нибудь широком объеме было совершенно невозможно, не подвергая опасности население на сотни верст в округе. Потому производились лишь осторожные редкие пробы над ничтожным количеством этого страшного вещества, внутри наглухо закрытых, с двойными толщами стальных стен камерах. Но тем временем в подвалы⁴⁵ особых глубоко в землю

³⁹ Далее знак вопроса в скобках.

⁴⁰ Далее знак вопроса в скобках.

⁴¹ Далее вычеркнуто: вещью

⁴² Далее знак вопроса в скобках.

⁴³ Далее вычеркнуто: остановленная

⁴⁴ Далее вычеркнуто: громадна

⁴⁵ Далее вычеркнуто: арсеналов

врытых погребов, что ни день, свозились и прятались⁴⁶ многопудовые, начиненные «каролинумом» бомбы. «Ключ», о котором говорил когда-то забытый теперь профессор, учитель Холстена, из рук ученых перешел в другие руки, и теперь не надо было ни особого ума, ни знаний чтобы повернув его, сошвырнуть старую землю с ее привычной орбиты⁴⁷.

Глава вторая. Накануне.

1.

Книга Федерика Барнета, дошедшая до нас еще в издании 1970 года, писана самым обыкновенным человеком, но в самое необыкновенное время: в том весь ее интерес. Барнет был сыном зажиточных родителей; учился в университете; увлекался социалистическим учением; путешествовал, облетев на аэроплане в два-три месяца когда всю нашу планету⁴⁸. Между прочим, в ранней юности у него было⁴⁹ непонятное пристрастие к тряской езде на старомодном, чрезвычайно нелепом и смешном, чуть ли не бензиновом еще мотоцикле, одной из тех допотопных машин, ненужная сложность и нелепая грязь которых и до сих пор вызывают удивление взрослых и смех у детей, посещающих «Музей машин» в Лондоне. Сдав последние экзамены, Барнет должен был отбывать воинскую повинность. Военная учеба, как пишет Барнет, была в то время, достаточно нелепа. Где-то под землей хранились⁵⁰ таинственные бомбы, действие которых ни разу не было проверено. О них в каждом государстве знал, да и то мало лишь, особый, научно-подрывной корпус, которому они были поручены. А на поверхности земли процветала обыкновенная стародавняя шагистика, колка штыками соломенных чучел, строевые ученья и прочее: войн вот уже⁵¹ пятьдесят лет как не было, и вся эта ненужная муштра держалась⁵² только воспоминаниями и преданиями войн начала века. Попав в казармы, Барнет мечтал о том дне, когда вернется снова к сколько-нибудь осмысленной жизни, но, когда долгожданный день пришел, он принес молодому человеку мало радости.

⁴⁶ Далее вычеркнуто: огромные

⁴⁷ Далее знак вопроса в скобках.

⁴⁸ Далее знак вопроса в скобках.

⁴⁹ Далее вычеркнуто: странное

⁵⁰ Далее вычеркнуто: какие-то

⁵¹ Далее вычеркнуто: полвека

⁵² Далее вычеркнуто: лишь

Именно как раз в то время происходила краткая, но жестокая схватка новой холстеновской машины со старыми орудиями производства. Отец Барнета, как и множество людей в тот год, разорился, объявил себя банкротом⁵³ и вскоре после того покончил с собой. Молодой Барнет, бывший еще вчера сыном богатого человека, был выброшен вместе с миллионами других без гроша денег, без всякой профессиональной подготовки на мостовую. Он боролся: пробовал давать частные уроки, взялся было за газетную работу, но очень скоро очутился в подполье того мира, на солнечной стороне которого рассчитывал прежде безбедно прожить жизнь. Для большинства людей такое падение ведет к гибели, но Барнет, несмотря на свои барские привычки, был человеком достаточно устойчивости. Мало того. Он нашел в себе силу чему-то научиться у своего горя. «Не случись этого, — пишет он, — я мог бы отжить свою жизнь и так и не узнать ничего о растущем гневе и страданиях обездоленных и доведенных до отчаяния народных масс». Он описывает свои голодные скитания по тогдашнему Лондону. Лондон под влиянием закона о «видимом дыме», наказывавшем всякое его обнаружение огромным штрафом, уже перестал быть мрачной прокопченной массой каменных груд. Он весь перестроился и как-то посветлел. Антисанитарная «лошадь» и жалкий велосипед были изгнаны с мостовой, которая, кстати, была теперь из упругой, стеклообразной гладкой и чистой массы. Пешеходам была отведена лишь узкая полоска у стены. Человеку под угрозой штрафа запрещен был переход через улицу, впрочем, нарушителей запрета вряд ли и пришлось бы⁵⁴ дожить до уплаты штрафа: вдоль улиц, слева направо и справа налево⁵⁵, непрерывно сновали и кружились, грохоча, колеса, и смельчак на десятом шаге был бы, наверно, раздавлен⁵⁶.

Жизнь Барнета сводило голодной судорогой. Ноги его подгибались от усталости, но он вот уже несколько дней сряду бродил по улицам, наблюдая будто отодвинувшуюся от него⁵⁷ жизнь. Однажды, пересекая площадь, он заметил у одного ее края огромную решетчатую кисть из стальных рельс, протянувшую в небо свои⁵⁸ неподвижные подъемные краны. Эта мертвая машина так заинтересовала Барнета, что он долго простоял перед ней с запрокинутой назад головой.

⁵³ Далее знак вопроса в скобках.

⁵⁴ Далее вычеркнуто: платить

⁵⁵ Далее вычеркнуто: неслись непрерывным потоком автомобили

⁵⁶ Далее вычеркнуто: одним из них

⁵⁷ Далее вычеркнуто: ставшую словно укус

⁵⁸ Далее вычеркнуто: гигантские

Стальной костяк недостроенного дома был точно забыт: никто там не работал, машины стояли.

— Почему? — спросил Барнет у толкнувшего его локтем человека.

Тот ответил, что накануне рабочие забастовали в знак протеста против применения новой клепальной машины, которая уменьшила наполовину число рабочих⁵⁹, нужных для установки стальных частей нового здания. Барнет вдруг заметил сильное движение в одной из улиц, идущих от площади. По улице, останавливая движение автомобилей и вагонов, медленно двигалась по направлению к площади, толпа людей с⁶⁰ яркими плакатами, качающимися над головами. Это была демонстрация безработных. Барнет ожидал увидеть беспорядочную⁶¹ массу. Но среди идущих царила какая-то зловещая и угрюмая дисциплина. На одном из плакатов он прочел: «62Работы, а не милостыни!» Люди над плакатами и знаменами не пели, даже не разговаривали между собой: они медленно шли, лишь показывая себя⁶³ богатым кварталам Лондона. Лица их⁶⁴ были печальны и измощены, но спокойны, как лица «смертников». Это были представители дешевого труда, которых вытеснили⁶⁵ новые, еще более дешевые механические силы. Людей этих сдавали «на слом», ликвидировали лошадей, которых заменил в скорое время более выгодный «мотор»⁶⁶. Демонстрация прошла, и площадь, снова опустела. Близился вечер. Надо было позаботиться о ночлеге. Барнет направился к одному из «Ночлежных домов». Но еще издали он увидал толпу людей, жаждавших вход в Дом: он не принял в расчет забастовок последних дней. Потолкавшись некоторое время у входа, Барнет, спотыкаясь от усталости, нашел прочь. Он шагал по залитым ярким светом фонарей тротуарам, изредка прислоняясь к стене, чтобы не упасть. Тут он впервые увидал, что безработные просят милостыню, просят хмуро и настойчиво, почти вырывая протянутую монету из рук. Это было беспрецедентным для того времени: уже четверть века, как лондонские улицы не знали нищенства; за просьбу о подаянии, как и за подачу его, гро-

⁵⁹ Далее вычеркнуто: занятых

⁶⁰ Далее вычеркнуто: яркими

⁶¹ Далее вычеркнуто: толпу

⁶² Вычеркнуто: Дайте

⁶³ Далее вычеркнуто: свои исхудалые лица

⁶⁴ Далее вычеркнуто: с проступающими костями скул, были опущены книзу

⁶⁵ Далее вычеркнуто: навсегда

⁶⁶ Далее вычеркнуто: Лица их были серы, но покойны, как лица смертников

зило суровое наказание. Но сейчас полисмены⁶⁷ сделались слепыми ко всему, кроме явного беспорядка и вымогательства. Барнет после колебания хотел было тоже попросить, но как раз в ту минуту как он решился, попросили у него самого: очевидно, его затрепанный, но барский костюм ввел кого-то в заблуждение. Не имея силы дальше идти, Барнет опустился на ближайшую скамью. Девушка, сидевшая на скамье, мельком взглянула на него: у нее были подведенные брови и густо нарумяненные щеки, очевидно, это была уличная женщина.

— Я голоден, — сказал Барнет, глядя куда-то в сторону. Проститутка, порывшись в сумочке, протянула ему серебряную монету. Он взял.

Утолив голодную боль, Барнет вернулся назад к бульварной скамье и стал устраиваться на ночлег. Ночь была зябкая и ветреная. Мимо скамьи бродили, как тени, голодные и бездомные люди, а сквозь листву деревьев сияли освещенные окна театров и ресторанов; слышалась музыка и звяканье посуды. Там были богатые и сытые.

— Как они там не видят. Ведь мы накануне..., — прошептал Барнет.

Но смертельная усталость стянула ему веки и оборвала мысль. Прижавшись лбом к спинке скамьи, он уснул.

Утром он не успел додумать своей мысли: огромные черные и цветные буквы на стенах возвещали городу и миру, что Центральные Европейские Державы этой ночью внезапно напали на Славянскую Федерацию и что Франция и Англия выступают на защиту славян. Черные указательные персты на всех перекрестках указывали путь к мобилизационным пунктам. Миллионы бедняков, оставленных за порогом Биржи Труда и ночлежного Дома, хлынули в наспех открытые двери воинских присутствий: там их кормили и одевали.

Выход был найден: толпы людей без пищи сделать пищей для пушек.

Глава третья. Взрывы.

1.

Люди столько времени жили под угрозой войны, что, когда она, наконец, пришла, они «как бы» вздохнули с облегчением. Вдоль по проселку и шоссе «окаймленным» (доподлинные слова Барнета) колючей проволокой для защиты от бездомных людей, потянулись к вербовочным бюро вереницы людей, хотевших какого-нибудь конца. Их нумеровали, грузили ими в поезда и, вооружив, гнали друг против друга.

⁶⁷ Далее знак вопроса в скобках.

В обширном зале главного Военного Управления, повернутого окнами к течению Сены и к грохотам улиц Парижа, были разложены по столам огромные планы и карты⁶⁸ с изображением областей, захваченных войной. Офицеры Генерального штаба, ходя меж карт, непрерывно передвигали небольшие деревянные кубики, обозначающие дерущиеся войска: приходившие с фронтов телеграфные известия, а также распоряжения Главного Командования управлялись движениями их рук.

В других залах были карты менее подробные, где отмечалось самое главное. Над одной из них сидел, наклонившись, фельдмаршал Дюбуа: он то и управлял деревяшками на бумажных листах, а деревянные управляли корпусами и дивизиями, согнанными из живых людей, которые умирали где-то там, не на бумажных, а на настоящих широко развернувшихся полях сражений.

Дюбуа думал, оперев седую голову в ладонь: может быть, у него и был свой очень сложный и хитрый план военной игры против Центрально-европейских держав. Но будучи воспитан на традициях старых войн, он не принял в расчет, ни новой стратегии авиации, ни действия холстоеновских бомб, которые до войны ни разу не могли быть испытаны. В то время как он разрабатывал планы отходов, набегов и прорывов, Центрально-европейский Генеральный штаб готовил удар в глаза и мозг противнику. И его собственный научный корпус ждал лишь сигнала, чтобы, расшвыряв свои чудодейственные бомбы, взорвать не только противника, но и все военные расчеты, и планы, упиравшиеся в ветхий опыт старых войн.

Дверь из кабинета Главнокомандующего была открыта в просторную комнату, где непрерывно стучали пишущие машинки, и десятки курьеров ждали звонка или окрика.

У одной из машинок, настукивавшей в минуту до шестидесяти слов, сидела юная⁶⁹ барышня, нет-нет, взглядывавшая в просвет двери кабинета, где сидел Он. Сердце девушки стучало, пожалуй, быстрее ее машинки: она была, только подумать, в двадцати шагах от великого человека, в руках которого судьбы земли и народов! Изредка барышня видела его седую голову с высоким прямым лбом. Он говорил редко и короткими фразами: но после каждого его слова кубики на бумажных полях приходили в движение, и машинистка знала, что сейчас уже вслед за кубиком⁷⁰ зашевелиятся тысячи людей⁷¹: выйдут-пойдут-убьют-умрут.

⁶⁸ Далее знак вопроса в скобках.

⁶⁹ Далее вычеркнуто: цветущая

⁷⁰ Далее вычеркнуто: начинали двигаться тысячи людей

⁷¹ Далее вычеркнуто: куда-то шли, убивали и умирали

— Какой он удивительный, — думала девушка. Он один ведет миллионы лишь, по ему одному известным путям. Он все знает, все предвидит и...

И вдруг странный глухой гул ударился о стены тихой залы. Что-то крикнул часовой на лестнице. Гул усиливался: стены тряслись, как в лихорадке. Внезапно по небу заметались огни прожекторов. Вдалеке защелкали выстрелы. Люди в залах были все на ногах: «Что такое?!».

Юная машинистка отыскивала глазами лицо фельдмаршала: он все еще сидел над кипой бумаг, и только слегка поднятые брови его выражали недоумение. А гул рос и креп; ночь за окном вдруг запылала ярко-красным пламенем, слышался грохот рушащихся каменных масс. Девушка прижалась к стене, пряча лицо в ладонях: сознание ее оставило.

Очнувшись, она увидела себя лежащей на мягкой и липкой глине. Попробовала встать: нельзя. Ноги не⁷² двигались. Подняв голову, прислушалась: тихо. И вместе с тем — вот, в сорока шагах от нее, качнувшись, совершенно бесшумно падает колонна.

«Значит, я оглохла».

Упираясь ладонями в глину и какие-то горячие обломки, девушка проползла несколько шагов, перемогаясь от боли в ногах. Ни крыши над ней, ни стен вокруг не было. На фоне пожара, сквозь клубы странного удушливого пара, маячили лишь близкие очертания каких-то развалин и груд камня. Совсем близко от нее было⁷³ мутно светящееся, клокочущее озеро и одна струйка из него подползала уже к самому ее телу.

— Санитар, — крикнула девушка, но не услышала своего голоса. Прележав с минуту с закрытыми глазами, она снова попробовала подняться на локте: и тут она увидала в пяти шагах от себя человека. Он лежал, прислонившись лицом к огромному куску военной карты: с поднятого дыбом края карты все еще свисали на sharpenенные на бумагу кубики и флажки. При мутном свечении медленно подползающей к ее глазам клокочущей струйки она с трудом опознала труп: это был Дюбуа. Брови на застывшем его лице были удивленно подняты вверх. Секунда — и обжигающая жидкость⁷⁴ залила девушке глаза. С минуту еще тело ее дергалось, потом перестало...⁷⁵

⁷² Далее вычеркнуто: не слушались

⁷³ Далее вычеркнуто: кипящее

⁷⁴ Далее вычеркнуто: коснулось ее головы

⁷⁵ Далее вычеркнуто: сердце остановилось вслед за машинкой.

2.

Когда молодому авиатору с пулевидной головой, обтянутой короткой щетиной жестких черных волос, управлявшему Французским научным корпусом, сообщили о гибели Военного управления и о пожаре, охватившем Париж, он грубо расхохотался.

— Дураки. Ну, поиграли с деревяшками, и будет. Теперь с бабушкой «стратегией»⁷⁶ кончено. Приготовить машину. Живо!

Минут пять он провел у телефонной трубки. Потом застегнув кожаную куртку⁷⁷, направился к машине. Его помощник уже ждал на своем месте. Сев у руля, авиатор повернул голову к спутнику:

— Все в порядке?

— Да.

— Тогда в путь. И — око за око. Не так ли?

Спутник молча кивнул головой.⁷⁸ Аэроплан взмыл кверху. Пряча в тучах, он мчался по прямой к Берлину. Оставалось два часа до рассвета: надо было⁷⁹ торопиться. Аэроплан стремительно резал воздух и тучи. Летчик у руля то подымал глаза к путеводным звездам, то всматривался вниз в разрывы и светлые щели в тучах: в них возникали и никли сигнальные огни, зарева ночных городов. Лицо рулевого, смутно освещенное зеленоватым отблеском компаса, выражало нетерпение и решимость. Его спутник неподвижно сгорбившийся⁸⁰ над длинным гробоподобным ящиком, в котором охваченные стальными зажимами лежали три холстоновские бомбы, обладавшие свойствами длительного взрыва, сдвигал⁸¹ коленями стенки ящика и ждал команды. Его худое костистое лицо не выражало ничего кроме глубокого и зловещего спокойствия.

По мере того, как летчики приближались к Центральноевропейской столице, небо стало бледнеть. До сих пор им везло: их не заметил еще ни один воздушный сторож. Машина была выкрашена в бледно-серый цвет, мотор работал почти беззвучно; помогал и густой слой туч, покрывавший в ту ночь небо. Но приближающийся рассвет был для них опасен. До Берлина оставалось всего тридцать-сорок верст. Тучи к утру начинали понемногу рассеиваться и летчики вскоре могли разглядеть приближающиеся очертания огромного го-

⁷⁶ Далее знак вопроса в скобках.

⁷⁷ Далее вычеркнуто: шагнул через порог / вышел

⁷⁸ Далее вычеркнуто: И вскоре над

⁷⁹ Далее вычеркнуто: спешить.

⁸⁰ Далее вычеркнуто: с широко расставленными /разведенными ногами

⁸¹ Далее вычеркнуто: обнял/охватил коленями

рода. Вот узкий извив реки. Вот прямые улицы предместья Шарлоттенбурга. Дальше — двадцатизэтажные каменные кварталы центра⁸², островерхий дворец, и там вот, направо, внизу длинное желтое здание Центральноевропейского штаба. Вдруг летчик у руля поднял голову: из безмолвия выделился жужжащий звук, становившийся все громче и громче. Сверху, с огромной высоты, суживающимися кругами, летел на них немецкий аэроплан.левой рукой летчик сделал знак спутнику, потом⁸³, упершись ладонью в рычаг, дал полный ход машине. Но немецкий аэроплан стрелой падал сверху. Расстояние укорачивалось. Сверху окликали в рупор. Ответа не последовало. Тогда летчик у руля услышал звук пули, щелкнувшей о крыло. Еще и еще. Что-то ударилось о мотор. Но снизу уже выплывали крыши домов и зигзаги берлинских улиц.

— Приготовься! — скомандовал рулевой.

Лицо человека, оседлавшего ящик, не изменилось: сторбленный, он наклонился еще ниже над отверстием бомбохранилища, сунул обе руки внутрь и, подняв огромный черный шар, начиненный каролинумом, поставил его на борт аэроплана. Он держал бомбу за две круглых ручки: меж них торчала короткая тонкая трубочка: оставалось ее прокусить, — и тогда воздух, войдя внутрь, сделает остальное⁸⁴.

Под аэропланом зажелтело длинное здание Штаба. Летчик припал губами к трубке, перекусил ей конец и столкнул бомбу за борт.

— Поворачивай, — крикнул он рулевому.

Бомба метнула ослепительным алым блеском и стала падать спускающимся столбом пламени. Оба аэроплана подбросило вверх, крена на бок; летчик у руля, стиснув зубы, пробовал выровнять крылья. Его спутник схватился за остов машины. Ноздри его дрожали, но колени продолжали крепко стискивать ящик. Когда ему снова удалось взглянуть вниз, то ему казалось, что летят над разверзшимся кратером вулкана. Внизу, на земле плясала и прыгала красная огненная звезда; швырявшая в стороны и вверх облака дыма, пламени и камней. Они были слишком высоко, чтобы различать людей и слышать шум катастрофы, но было видно, как кирпичные массы таяли и падалились, как куски сахара в кипятке.

Бомбометчик на мгновение распрямился, оскалив длинные белые зубы, потом снова припав к отверстию стального гроба, вытащил еще бомбу, припал ртом к ее трубке.

⁸² Далее знак вопроса в скобках.

⁸³ Далее вычеркнуто: уцепившись обеими руками за рулевое колесо

⁸⁴ Далее вычеркнуто: проверив, что все в порядке

На этот раз взрыв произошел под самым аэропланом, подбросив его боком вверх. Ящик⁸⁵ накренился на сторону, а бомбометателя бросило вперед как раз на третью бомбу, и лицо его очутилось у ее запальной трубки. У него уже не было времени вынуть бомбу: он успел лишь, нащупав губами выступ трубки, сжать зубы... и в тот же миг, ящик — летчики, аэроплан — все превратилось в летящие лоскутья, металлические щепы, мягкие жидкие комья, и третий огненный столб, кружа красным разрастающимся вихрем, упал на приговорённый город.

3.

В то время как в воздухе решалась судьба земли, батальон Барнета шагал как ничего не бывало по бельгийскому шоссе по направлению к окопам. Сначала они рыли окопы, потом сели в них. Батальон был разобщен с культурными центрами, оставшимися где-то позади, и никто ничего еще не знал о катастрофах, внезапно обесмысливших всю эту игрушечную, с пальбой из ружей, с перебежками, атаками и контратаками⁸⁶ старомодную войну. Достаточно было одного пуда «каролинума», и не то, что батальон, целый корпус был бы сметен с лица земли; каждую минуту холстеновская бомба могла упасть откуда-нибудь сверху, но люди деловито копошились, окапывались, отдавали и исполняли приказания, продолжая думать, что делают чрезвычайно важное и нужное дело. Вскоре, впрочем, стали доходить смутные слухи о разрушении Берлина, Парижа, Лондона и т.д. Но все равно: приказы приходили откуда-то из другого места, но приходили, и привыкшие повиноваться — повиновались.

«Странное испытание я ощутил, — пишет Барнет, — когда впервые показали неприятельские цели. Было похоже на⁸⁷ полевое учение. Они, остановившись на опушке леса, потом стали перебегать навстречу нам. Мы открыли огонь. Я стрелял вначале как и куда попало, но потом вдруг захотел⁸⁸ увидеть, что будет, если я попаду. Цепь их была уже довольно близко, я проверил винтовку и, уперши ружье в плечо, спустил курок. Промах.

Стиснув зубы, я нацелился снова в⁸⁹ какое-то синее пятно: пятно⁹⁰, которое я взял на мушку, вдруг остановилось, будто помогая мне по-

⁸⁵ Далее вычеркнуто: с оставшейся бомбой

⁸⁶ Далее вычеркнуто: жестокою

⁸⁷ Далее вычеркнуто: маневр

⁸⁸ Далее вычеркнуто: непременно

⁸⁹ Далее вычеркнуто: в какую-то синюю грудь

⁹⁰ Далее вычеркнуто: человек

пасть. Я дернул за спусковую скобу: человек в синем качнулся, осел и лег на землю. В это время немецкая цепь стала⁹¹ отходить. Но человек, намеченный мною, не уходил, оставаясь лежать в нескошенной ржи. Вдруг, я заметил: он приподнялся, прополз шаг-два и упал снова. В течение почти часа, лежа в поле, я видел, как умирал подстреленный человек. И когда с наступлением ночи нас сменили и увели в резерв, я шел, чувствуя приступ душевной тошноты: хотелось бросить все и уйти. Но это мне казалось трусостью».

«Вначале, — продолжает Барнет, — я был сильно подавлен и вместе с тем возбужден своим боевым крещением. Потом привычка стала брать свое. Окопные будни, частые тяжелые переходы не оставляли времени для размышлений. Только иногда, лежа в секрете, среди посвиста пуль, я задавал себе мучительный вопрос: мы все не хотим убивать друг друга и... убиваем? Кому это нужно? Вот сейчас таких как я миллионы: все мы хотим жить и чувствуем отвращение к убийству. И что мы делаем: умираем и убиваем. Это кошмар какой-то! Вот сейчас я проснусь и...»

Но пробуждения не наступало.

4.

Понемногу военный опыт Барнета расширялся. Он⁹² отшагал со своим батальоном не одну сотню верст по холмам и равнинам Бельгии. Он видел издали линию огромных бельгийских плотин, удерживавших море от вторжения в низменную страну. Пастбища были густо усеяны стадами, по дорогам спешили автомобили. То справа, то слева тянулись ленивыми змеями поезда, груженные покорным пушечным мясом.

«Весь день мы шли, — рассказывает Барнет, — вдоль береговых плотин, тянувшихся вдалеке по левую руку от нас. К вечеру мы дошли до канала, нас посадили на одну из барж, которые длинной вереницей стояли вдоль по каналу. Канал был запружен: только к утру⁹³ мы могли отплыть.

Зажгли костры. Съели ужин. Кое-где, на берегах и на баржах затягивали песни, но мы были слишком утомлены, чтобы петь. И вскоре все вокруг меня спало мертвым сном.⁹⁴ Но я, должно быть, переуто-

⁹¹ Далее вычеркнуто: отступать.

⁹² Далее вычеркнуто: исшагал

⁹³ Далее вычеркнуто: доплыли/ были / двинуться дальше неизвестно куда вдоль по каналу.

⁹⁴ Далее вычеркнуто: но мне не спалось.

мился и не мог заснуть. В эту ночь Бельгия казалась одним сплошным небом, усеянным яркими звездами. И я лежал на спине, смотрел вверх. Не помню, сколько времени прошло так. Вокруг я увидел среди звезд какие-то шевелящиеся черные пятнышки. Сначала их было мало, потом больше. Я не сразу догадался, что это аэропланы: они летели стаяй перелетных птиц с северо-запада к югу и были, вероятно, еще очень высоко.

Я тихо встал, не желая тревожить товарищей, и напрягал слух: не раздастся ли где-нибудь сигнальных выстрелов. Ни звука. Почти невольно, как бы ища, защиты, повернулся я к югу: и оттуда; затемняя звезды, еле видимая, вследствие высоты лета, надвигалась черная аэропланная стая. «Наши», подумал я с облегчением. Было что-то жуткое, но величественное в этом быстром скольжении черных роев, летящих навстречу друг другу над сияющими внизу армиями.

Я беспокойно оглянулся вокруг: до сих пор не было ни малейшего признака тревоги на суше и — на судах. Потом где-то далеко слышались звуки сигнальных рожков, затем выстрелы, а за ними — гул колоколов. Бой налетел с быстротой ветра. Не прошло и пяти минут с момента, как я заметил Центральный Европейский воздушный флот, до столкновения⁹⁵ надземных войск. Аэропланы союзников (в главной массе французские) могучим ливнем устремились на центральное ядро противника. Раздался сухой треск пальбы. Потом замелькали вспышки, похожие на летние зарницы; и затем все небо превратилось⁹⁶ в какой-то ад. Черные тени машин металась по притихшей земле. То здесь, то там пылал, слепя глаза, упавший аэроплан. И вдруг какой-то новый красный свет и непривычный уху гул прорезался сквозь грохоты и огни боя: несколько бомб с «каролинумом» были брошены сверху на плотины. Сразу же к небу бухнули гигантские⁹⁷ огненные фонтаны; нас ударило ветрами и грохотом. Люди вокруг меня металась, еще не понимая, что произошло. Но огненные столбы на линии плотин не гасли, а разрастались. И вдруг раздался крик: «Вода! Вода! Спасайтесь!».

Спаслись удалось немногим. Но Барнет был в числе их.

«Я ожидал водных гор, но набегавшая стена воды, — продолжал он рассказ, — была вышиной не больше двенадцати футов. Наша баржа сначала было закружилась и клюнула носом, но тогда ей был дан полный ход навстречу хлынувшему на нас морю. Вокруг было темно: фо-

⁹⁵ Далее вычеркнуто: воздушных

⁹⁶ Далее вычеркнуто: в кружащийся клубок бесчисленных

⁹⁷ Далее вычеркнуто: кровавые

нари, имевшиеся у нас, оказались слишком слабыми, чтобы прорезать заслон пустого удушливого пара, принесенного ветром с мест взрыва. Мимо нас неслись опрокинутые баржи, лодки, сорванные крыши домов: все это на мгновение попадало в полосу света наших фонарей и снова пропадало в темноте. Несколько раз баржа ударялась о что-то твердое, бока ее трескали, грозя рассыпаться. Утро застало нас в море. Борта баржи протекали, все мы в две смены непрерывно выкачивали воду насосами и ведрами. Всюду, куда ни глянь, было море, только кое-где торчали кровли домов, верхушки колоколен, да разбитые крылья мельниц.⁹⁸ Лишь к утру третьего дня на поверхность успокоившейся воды стали выплывать трупы. Они плыли тысячами, качаясь на мутной и темной воде. Туман слегка рассеялся и вдалеке, на Западе, мы опять увидели негаснущие огненные столбы, бьющие фонтаном вверх.

На барже начинал давать знать к себе голод; но особенно чувствовался недостаток в питьевой воде.

Когда минула первая опасность и первый страх, мы⁹⁹ увидели, что брошены на произвол судьбы. “Приказы” свыше, сыпавшиеся прежде как из дырявого мешка, теперь — словно в воду канули. Не получая ни откуда ни разъяснений, ни распоряжений мы старались¹⁰⁰ разобратся по-своему во всем происшедшем. Первым чувством и у меня, и у всех моих товарищей было чувство полного и непоправимого разгрома и такой перемены мира, что казалось совершенно бессмысленным продолжать начатые еще до катастрофы дело и играть в старую игру. Помню, я сидел на верхней палубе с механиком Майлиусом и двумя унтер-офицерами. Молчали. Майлиус вытряхнул¹⁰¹ пепел из трубки, сплюнул и сказал:

— Нет, я¹⁰² им больше не солдат.

На пятый день мы увидели¹⁰³ немецкий миноносец. Теперь нам было все равно: свой ли, враг ли. Нам крикнули в рупор на ломанном английском языке¹⁰⁴ о перемирии. Нам это не показалось новостью.¹⁰⁵ Наверху в небе начали появляться кое-где аэропланы. Не ожидая никаких приказов, мы правили баржу назад, к себе на родину».

⁹⁸ Далее вычеркнуто: Изнемогая от усталости

⁹⁹ Далее вычеркнуто: очутились брошенными

¹⁰⁰ Далее вычеркнуто: понять

¹⁰¹ Далее вычеркнуто: трубку

¹⁰² Далее вычеркнуто: вам

¹⁰³ Далее вычеркнуто: английский

¹⁰⁴ Далее вычеркнуто: объявил, что война кончена

¹⁰⁵ Далее вычеркнуто: мы это знали и так: в нас больше не было войны.

Глава четвертая. Война войне.

1.

Однако война утихла не сразу. Неосторожно разбуженный людьми «каролиnum» продолжал, словно сам по себе, свое¹⁰⁶ дело. Весь мир тогда пылал каким-то чудовищным зудом разрушения. Государство за государством, одно за другим, втягивалось в бойню. Китай и Япония вторглись в Россию, Соединенные Штаты напали на Японию, Индия была охвачена анархическим восстанием. Могущественный балканский царь, один из последних царей на земле, мобилизовал свои силы. Казалось, каждому должно было быть ясно, что мир с головокружительной быстротой скользит в бездну. К весне 1959 года в двухстах почти пунктах, на месте бывших здесь городов пылали неугасимые зарева холстеновских бомб. «Длительный взрыв» этих бомб, раз начавшись, грохотал и разрушал, захватывая все большую и большую¹⁰⁷ площадь, не прекращаясь; лишь медленно и постепенно ослабевая. Даже и сейчас, по прошествии десятков лет со времени катастрофы, приближаться к некоторым пораженным этими бомбами местам — опасно.

Гибло все: города, люди, завоевания культуры, запасы пищи и сырья. Голод становился все грознее и грознее. Промышленность, торговля — стали. Некий писатель того времени сравнивал человечество со спящим, который во сне играл спичками и просыпаясь, вдруг чувствует, что весь охвачен пламенем. Но правительства, бросившие человечество в войну, не хотели признаваться в своей ошибке, и новые дутыши с каролиnumом¹⁰⁸ взрывались то здесь, то там. Люди уже слишком привыкли повиноваться. Правда, вспыхивали восстания, но их тотчас подавляли. Недовольство, однако, росло: положение день ото дня становилось все грозней и безысходней.

В это время появился никому неизвестный до того человек, которому суждено было вскоре сделать¹⁰⁹ чрезвычайно популярным. Звали его Леблан: это был маленький лысый французик в очках, сквозь стекла которых смотрели добрые, но решительные глаза. Он не был ни правителем, ни дипломатом, не имел ни денег, ни связей: вся его сила заключалась в непоколебимом стремлении покончить с войной раз навсегда и в готовности отдать все свои силы и самую свою жизнь этому делу.

¹⁰⁶ Далее вычеркнуто: страшное

¹⁰⁷ Далее вычеркнуто: земель

¹⁰⁸ Далее вычеркнуто: бухали

¹⁰⁹ Далее вычеркнуто: самым

Леблану пришлось перенести много унижений. Он обил все пороги сильных мира сего. Не было передней у правителей и королей, в которой бы он не дожидался, пока согласятся его выслушать. Он писал бесчисленные письма, статьи в журналах, воззвания, посылал депеши, предпринимал отчаянные путешествия, занятый одной единственной мыслью: свалить войну. Вначале над ним смеялись. Потом перестали: воля Леблана совпадала с волей народов, с которыми дальше шутить было опасно. Понемногу сверкающие очки Леблана перекечевали из передних и приемных — в кабинеты и залы совещаний. Его лысая голова, мелькавшая прежде, иногда в листке карикатур, глядела теперь на читателя добрыми, но решительными глазами с первых страниц больших журналов. Люди, слушавшие его еще в 1958 году с гримасой нетерпения, теперь, к весне 1959 года жадно расспрашивали его об исходе мировой войны и разрухи. Он отвечал всегда скромно, даже застенчиво, но твердо: то, что нужно сделать, всегда можно сделать.

В мае он переплыл, чуть не в девятый раз через Атлантический океан в Италию и там стал собирать обещания от разных правительств участвовать устраиваемом им совещании. Местом встречи был выбран горный склон у пощаженного войной городка Бриссаго в Италии¹¹⁰.

С легкой, отчасти скрытой недоверчивостью стала собираться эта конференция, которая должна была¹¹¹ организовать мир по-новому. Леблан хлопотал, не выказывая ни малейшего высокомерия; он управлял людьми одной лишь силой бесконечной скромности и веры в правоту дела. На горных лугах у Бриссаго, выдавших до того дня лишь пастухов да коз, сначала появились люди с аппаратами беспроволочного телеграфа; за ними прибыли другие, с палатками и съестными припасами; потом соорудили маленькую канатную железную дорогу. После¹¹² появился Леблан: его скорее можно было принять за посланного вперед курьера, чем за организатора конференции. И, наконец, одни на канатной дороге, другие — на аэропланах, стали прибывать приглашенные.

2.

Но один из членов конференции пришел пешком: это был король Эгберт. К тому времени, когда вся Земля была поделена на Республи-

¹¹⁰ Бриссаго находится на северо-западном берегу озера Лаго-Маджоре, в Швейцарии на границе с Италией в гористой местности (Д.М.).

¹¹¹ Далее вычеркнуто: устроить

¹¹² Далее вычеркнуто: прибыл

ки, — Эгберт был одним из немногочисленных последних королей мира. Он был молод и любил бунтовать, огорчая этим советников против своего титула.¹¹³ Он прошел пешком через ущелье Санта-Мария Маджоре, переехал в лодке через озеро и, высадившись в Бриссаго, отсюда, опять пешком, поднимался на гору по дороге, усаженной дубами и каштанами. В кармане у него был запас сыра и хлеба; единственным спутником его был секретарь Фэрмин. Король, как ему казалось, был свободен от всяких дворцовых церемоний. «Надо быть как все», — говорил он и только в силу привычки позволил Фэрмину тащить за спиной дорожный ранец и две бутылки пива, купленные по пути. В сущности, король никогда в жизни ничего для себя не носил и как-то не замечал этого.

— Мы ничего с собой не возьмем, — сказал он перед отправлением на конференцию, и Фэрмин нес пиво.

Тропинка становилась все круче. Но король и секретарь не прекращали беседы.

— Я допускаю некоторую возможность осуществления мысли Леблана, — говорил Фэрмин, борясь с одышкой, — хотя, конечно, в известных узких рамках и при условии...

— Фэрмин, — оборвал его Эгберт, — я хочу подать последним королям земли достойный пример.

— Чем?

— Видите эту пропасть. Я швырну туда свою корону.

И он ускорил шаг, как только заметил, что Фэрмин, уже и так запыхавшийся, желает возражать. С минуту они шли молча. Вдруг король остановился и, повернувшись, начал терпеливо дожидаться отставшего собеседника.

— Да, этот французик прав. Прошли, те времена... Мы... мы — короли, правители — до сих пор были всегда причиной всех несчастий и войн. Ведь мы олицетворяем собой не единение, а разделение человечества; разъединение уже грозит войной с ее проклятым «каролинумом»! Нет, старую игру пора кончать. Мир поумнел. Теперь его не обманешь красивыми коронами и звучными титулами!

Фэрмин молчал. Но тень досады прошла по его лицу.

— Вчера, — резко бросил Эгберт, — японцы чуть не уничтожили Сан-Франциско.

— Я еще не слышал.

— Да. Но американцы загнали их аэроплан в море, и бомбы взорвались там.

¹¹³ Далее вычеркнуто: Сейчас

— Под водой, ваше величество?

— Да. Получился подводный вулкан. И вот теперь, когда каждый день случаются такого рода вещи, вы, я вижу, хотите, чтобы я поднялся на эту гору и стал торговаться, как базарная торговка. Нет, только подумайте, какое впечатление произведет мое отречение на моего дядю-императора!

— Но он-то будет торговаться, ваше величество!

— Э, нет. Ему Леблан не позволит. Но поднимемся еще немного: вон до той хижины. А там, пожалуй, позавтракаем.

Эгберт двинулся вперед, и некоторое время можно было лишь слышать стук подошв о камни да шумное дыхание Фэрмина.

Наконец, крутизна дороги стала убывать, и путники очутились на зеленом горном лугу среди уступистых скал¹¹⁴, мха и алых альпийских роз.

— Вот чего не видят богачи, летающие на своих машинах за облаками, — пробормотал король, крошки сыра и хлеба осыпались с его губ. Сидя на камне с подогнутыми ногами, он, улыбаясь, смотрел на цепь снежных гор, сверкающих белыми верхушками. Отбившийся Фэрмин решил, что момент для возобновления разговора благоприятен:

— Ваше величество, — сказал он вкрадчивым голосом, — разве в вас нет уважения к вашему королевскому сану? И думали ли вы о ваших предках?

Эгберт перестал улыбаться:

— Предки умерли. Жить предстоит только потомкам. Надо, чтобы кто-нибудь подумал и о них. И к чему совать женщине куклу, когда ей нужно живое дитя?! Королевский сан?!

В течение дюжины поколений мой род был коллекцией деревянных манекенов в руках своих советников. Сегодня, солнце еще не успеет зайти, как я покажу, что «уважаю свой сан»: я стану, правда не надолго, настоящим «королем, настоящим избранником народа»... И это будет в тот момент, когда я сброшу ту корону, рабом которой я был до сих пор. Нет, подумайте, какой клубок великой лжи и¹¹⁵ насилия разорвало это грохочущее взрывчатое вещество! Старый застывший мир снова в плавильном котле, и я, казавшийся лишь набивкой для королевской мантии, становлюсь, наконец, живым человеком!

— Но..., — попробовал было вставить озадаченный Фэрмин.

— Этот простец Леблан прав. Весь мир должен стать единой нераздельной Республикой. Король должен вести народ вперед, а вы

¹¹⁴ Далее вычеркнуто: поросшего мхом

¹¹⁵ Далее вычеркнуто: притворства

хотите, чтобы я прилип к их спинам, как паразит. Нет. Сегодня доверенность, выданная королям историей, кончилась, срок ее истек. Мы должны возвратить свои мантии, потому что настало время королю, сидящему в каждом человеке, начать управлять миром. Идем.

Он поднялся. Фэрмин тоже.

— Посмотрите туда, — протянул руку Эгберт к белым вершинам, — когда я думаю о грядущем человечества, эти горы кажутся мне крохотными.

3.

Конференция, собравшаяся на склоне горы у Бриссаго, была, пожалуй, самой разношерстной и пестрой из всех конференций, какие когда-либо видела история: короли, представители республик, политические деятели, финансовые тузы, крупные ученые и писатели. Всех собравшихся было девяносто три. Председателем был избран король Эгберт.

Первым выступил Леблан: он был одет в плохо сидевший чесучовый костюмчик и по мере того, как говорил, постоянно заглядывал в затрепанную стопочку исписанной бумаги.

Потом произнес речь Эгберт:

— Мир разбит вдребезги, — начал он, — надо наставить его на рельсы. И первое, что мы, короли, должны отдать нищему и погибающему миру, — это наши короны.

По мере того, как он говорил, возбуждение росло. Радиоаппараты, не дожидаясь конца речи, разбрасывали его слова во все концы мира. Кто-то пробовал было возражать. Но безуспешно. И действительно, не успели сумерки одеть землю, как была провозглашена Единая Мировая Республика. Временным ее органом была конференция, все члены которой объявлялись равноправными.

Когда первое заседание закрылось, бывший король Эгберт, отведя в сторону взволнованного Леблана, взял его за пуговицу и, пристально глядя ему в очки, спросил:

— Как вы думаете, что бы на все это сказала моя покойная прабабушка? И оба весело расхохотались.

4.

Перед открытием второго заседания Бриссагской конференции представитель Италии осведомил конференцию о мерах, принятых для ее охраны:¹¹⁶ несколько тысяч аэропланов взяли гору в кольцо,

¹¹⁶ Далее вычеркнуто: была возможность покушений

кроме того, всю ночь небо будет освещаться сотнями прожекторов. Первый декрет¹¹⁷, выпущенный мировой Республикой, требовал выдачи «каролинума», где бы и кем бы он ни хранился. Затем началась сложная и длительная работа конференции по переустройству мира на новых основаниях: «каролинум», обслуживавший войну, должен был быть отныне применяем только для целей промышленности и культуры. Все огромные расходы, которые шли на подготовку и ведение войн, снимались со сметы Мировой Республики.¹¹⁸

Воинственный дух мира выдохся. Теперь, когда представители разных стран встретились и работали вместе, окончательно выяснилось, что главной силой, побуждавшей к вооружению, был страх перед войной и вооружающимися соседями, воинственная решительность отчаяния, с какой до смерти напуганная овца бросается в воду. Правда, проведение разоружения не везде прошло гладко: кучка «патриотов», захватившая было арсенал около Осаки в Японии и пробовавшая протестовать против включения страны в Республику Человечества, не встретила никакого сочувствия в народе, и с ними быстро разделались сами японцы. Этот бой у стен арсенала был ярким примером духовного бессилия военной партии. До самого конца «патриоты» не могли решить, взорвать ли им¹¹⁹ свои запасы бомб с «каролинумом» или нет. Они дрались мечами у самых дверей, ведущих в погреба с каролинумом, не осмеливаясь прибегнуть к этому последнему средству. Перед конференцией длинной чередой проходили один за другим неотложные вопросы, с решением которых нельзя было медлить: прежде всего, надо было расширить число членов конференции и установить правила пополнения и обновления ее состава. Каждому совершеннолетнему, кем бы и где бы он ни был, представлено было равное со всеми право голоса при выборе в члены постоянной конференции. Выборы¹²⁰ должны были производиться раз в пять лет. Любопытно, что первые уже выборы подтвердили полномочия почти всех членов Мировой Конференции, лишь пополнив их ряды новыми сотрудниками. После этого конференция могла спокойно перейти к очередным задачам: необходимо было позаботиться о спасении урожая этого года и о предотвращении голода при¹²¹ по-

¹¹⁷ Далее вычеркнуто: приказ

¹¹⁸ Далее вычеркнуто: В первую голову обсуждался вопрос о труде: необходимо было покончить с безработицей.

¹¹⁹ Далее вычеркнуто: в случае поражения

¹²⁰ Далее вычеркнуто: происходили

¹²¹ Далее вычеркнуто: помощи закона

средстве взаимопомощи отдельных стран, ставших теперь членами единой Федерации. Работа по перевозке пищевых запасов поглотила значительную часть безработных, но вопрос о безработице был еще далеко не решен. Необходимость отстройки погибших городов, требовавшая огромного числа работников, вскоре помогла справиться с этой трудностью. Снова застучал молот¹²², снова закружили маховики машин. Понемногу израненная земля начала оправляться. Расширялась сеть школ. Снятие таможенных¹²³ границ оживило торговлю и понизило цены на предметы первой необходимости. Весь мир зажил как бы одним домом: люди и народы учились друг у друга и помогали друг другу в нужде. И страшное старое изречение о том, что «человек человеку волк», стало понемногу забываться¹²⁴, человек человеку стал просто... человеком.

5.

Последним¹²⁵ сильным врагом Единый Мировой Республики был могущественный балканский царь Карл по прозвищу «Славянская Лиса».

В Бриссаго он не явился, отговариваясь нездоровьем и¹²⁶ увлечением своей новой официальной любовницей. Он выжидал, торговался, стараясь выиграть время. Его политику поддерживал Пестович, первый министр. Не сумев добиться независимости для своего государства, царь Карл стал предлагать конференции всякого рода временные сделки. Они были отвергнуты. Тогда он¹²⁷ просил оставить в его руках хотя бы предводительство над всеми балканскими аэропланами. И тут, неожиданно для всех, добродушие Леблана вдруг заменилось хитростью. Он, продолжая дело разоружения, словно принял чистую монету покорность Балкан, и объявил, что 15 июля распускает флот аэропланов, охранявший до этого дня Конференцию. Но вместо этого он тайно приказал удвоить число дежурных летательных машин и быть начеку.

17 июля, около пяти часов утра, один из передовых часовых бриссагской охраны, планировавший над озером Гарда, вдруг заметил аэроплан, летевший к западу. Он окликнул его; не получив ответа,

¹²² Далее вычеркнуто: задымили трубы фабрик

¹²³ Далее следует знак вопроса в скобках

¹²⁴ Далее вычеркнуто: сменяясь здоровыми отношениями

¹²⁵ Далее вычеркнуто: тайным

¹²⁶ Далее вычеркнуто: сильным

¹²⁷ Далее вычеркнуто: стал

он дал сигнал по линии и бросился вдогонку¹²⁸ неизвестному. Тотчас же, по сигналу взлетела в воздух из-за гор целая стая товарищей по охране, и, прежде чем неизвестный аэроплан достигнул берега Камо, его начала догонять около дюжины воздушных стражников. Преследуемый¹²⁹ круто повернул к югу, пробуя бежать, но навстречу неся огромный аэроплан. Тогда он повернул к востоку, пытаясь пролететь мимо первого своего преследователя. Пулеметчик сразу открыл огонь и первым делом ранил и изувечил бомбометателя. Человек у руля несомненно слышал за спиной крик своего товарища, но он был слишком занят¹³⁰ бегством и не оглянулся. Над ухом свистали пули. Он пустил полным ходом мотор и, пригнувшись, ждал пули в затылок. Но выстрелы¹³¹ утихли. Тогда он оглянулся: три огромных аэроплана быстро летели на него; товарищ уже его, как он успел увидеть, лежал, неподвижно распластавшись на ящике с бомбами. Преследователи не стреляли и не пробовали опрокинуть беглеца, но они, наседая сверху, упорно жали его все ниже и ниже к земле. Наконец, он уже летел на высоте ста аршин над равниной кукурузного поля. Прямо перед ним чернели¹³² дома села; меж крыш торчала колокольня и линия железных столбов, соединенных проводами: перелететь через них он уже не мог. Тогда он резко выключил мотор и опустился на землю¹³³. Рулевой еще надеялся добраться до своих бомб¹³⁴, но сначала надо было сбросить с крышки ящика труп:¹³⁵ эта задержка решила дело; прежде чем ящик был открыт, летчик, простреленный дюжиной пуль, лежал ничком в измятой и¹³⁶ забрызганной кровью кукурузе.

Преследовавшие аэропланы опустились рядом. Пассажиры их, прыгнув на землю, бежали к пойманному аппарату. Гробовидный ящик, занимавший его середину, был тотчас открыт: три черных бомбы с круглыми блестящими ручками и шпёнками тонких трубок глядели оттуда. Находка была так важна для захвативших ее, что они, вначале не обратили внимания на мертвых противников.

¹²⁸ Далее вычеркнуто: незнакомцу

¹²⁹ Далее вычеркнуто: после минутного колебания вдруг

¹³⁰ Далее вычеркнуто: тем, чтобы удрать

¹³¹ Далее вычеркнуто: не повторялись

¹³² Далее вычеркнуто: на фоне восходящего солнца

¹³³ Далее вычеркнуто: быть может он

¹³⁴ Далее вычеркнуто: но спускающийся билан открыл по нему почти в упор огонь, и человек запрокинулся на спину

¹³⁵ Далее вычеркнуто: промедление

¹³⁶ Далее вычеркнуто: окровавленной

— Вот они, — прошептал один из подошедших.¹³⁷

— Я никогда еще не выдал их, — добавил другой, говоря такое почему-то в полголоса.

Третий взглянул на небо. В ста аршинах над ними кружил аэроплан.

— Что там? — спросили в рупор сверху.

— Три бомбы.

— Откуда?

Летчики переглянулись и все разом¹³⁸ повернулись к трупам: они осмотрели карманы мертвых, ощупали одежду, осмотрели и мотор, раму и крылья аппарата, надеясь найти какой-нибудь знак, записку или клеймо. Никаких следов происхождения людей и машины не отыскивалась.

— Мы не можем определить, — крикнул один из обыскивавших.

— Нет признаков?

— Никаких.

— Сейчас спускаюсь, — крикнул человек сверху.

6.

Царь Карл стоял на металлическом балконе своего дворца; балкон выходил на отвесную скалу, возвышающуюся над его столицей. Рядом с царем, прижавшись дряблым телом к перилам, находился, весь сморщенный и сутулый, министр Пестович. За их спинами блестела стеклянная дверь, ведущая в большую¹³⁹ сводчатую залу Совета. Царь от времени до времени оглядывался через плечо. Там позади, ожидая его появления вокруг стола, обтянутого зеленым сукном, сидело с десятков министров. Их вызывали к двенадцати, но уже было половина первого, а царь все медлил на балконе, очевидно, ожидал каких-то известий, которые не приходили.

Внизу, на склоне горы белели металлические крыши длинных сараев: под¹⁴⁰ настилом их пола был тайный склад бомб с «каролинумом». Техник, приготовивший их, внезапно умер сейчас уже после бриссагского приказа о выдаче «каролинума» Республике. Никто, кроме царя, его министра и трех высших слуг, не знал об этом складе.

Авиаторы, получившие бомбы, не знали, откуда они. Пора уже им возвратиться. Они улетели еще ночью: и никаких вестей.

¹³⁷ Далее вычеркнуто: — И совершенно целые, — добавил другой.

¹³⁸ Далее вычеркнуто: направились

¹³⁹ Далее вычеркнуто: темную

¹⁴⁰ Далее вычеркнуто: фундаментом

Еще час тому назад должно было, по расчету Пеставича, стать известным миру, что конференция в Бриссаго взорвана на воздух. Царь, нетерпеливо постукивая ладонью о перила, ждал этого известия, чтобы тотчас уже разослать во все страны мира свои аэропланы с провозглашением царя Карла новым господином и «самодержцем всея Земли».

— Я пойду посмотреть, — пробормотал Пестович, — не случилось ли чего с беспроводным телеграфом.

Царь кивнул, всматриваясь¹⁴¹ маленькими крысиными глазками вдаль. Часы на башне пробили час. Вдруг он заметал с полдюжины маленьких блестящих точек¹⁴² у западного края неба. Точки выросли в пятна, послышалась тихое жужжанье: аэропланы!

Пестович вернулся: «Ничего!». Карл, молча, указала рукой на Запад. Пестович взглянул, и злая гримаса искривила¹⁴³ его губы:

— Придется расплачиваться, «ваше величество».

Пока аэропланы снижались, у царя и министра была минута на¹⁴⁴размышление. Они решили притвориться занятыми государственным совещанием, обсуждающим вопрос о передаче власти Единой Республике; в случае же обвинений в покушении на правительство Республики — запираются и отрицать все огулом: ведь авиаторы поклялись хранить тайну. Но вдруг...

Царь¹⁴⁵, за ним и министры, быстро вышел в Залу Совета, и когда доложили о прибытии полномочного делегата Республики, царь сидел¹⁴⁶ во главе Совета у зеленого стола.

В залу вышел Эгберт в сопровождении своего неизменного спутника Фэрмина. Царь Карл ждал обвинения, но услышал сначала добродушное «Здравствуйте», а потом:

— У конференции сложилось, по-моему, нелепое предположение, что ваша несговорчивость¹⁴⁷ подкреплена якобы имеющимися у вас бомбами с каролинумом.

Царь энергично запротестовал, думая про себя: «этот болтун еще ничего не знает», но между тем в голосе «болтуна» было что-то заставившее царя и Пестовича тревожно переглянуться.

¹⁴¹ Далее вычеркнуто: зоркими

¹⁴² Далее вычеркнуто: на западе

¹⁴³ Далее вычеркнуто: ему

¹⁴⁴ Далее вычеркнуто: совещание

¹⁴⁵ Вычеркнуто: Король

¹⁴⁶ Далее вычеркнуто: на председательском

¹⁴⁷ Далее вычеркнуто: основана

— Ничуть не сомневаюсь в истине ваших уверений, — продолжал, выжидав, когда Карл кончит, Эгберт, — но необходимо для успокоения конференции¹⁴⁸ сделать, ради простой только формальности, конечно...

— Обыск?

— Да.

Царь обернулся лицом к своему Совету:

— Народ этого не допустит, ваше величество, — засуетился какой-то старичок в шитом золотом мундире

— Мне кажется странным, — весело улыбнулся Эгберт, — что в монархической стране интересуются мнением народа.

Король закусил губы:

— Когда начнется обыск?

— О, спешить некуда. Вероятно, послезавтра. Что касается до меня, то я считаю все это¹⁴⁹ излишним. Ну, скажите, кто настолько глуп, чтоб скрывать у себя «каролинум». Ведь это значит — верная виселица. И притом для всякого, кем бы ни был ослушник, — закончил Эгберт, глядя прямо в глаза царю.

— Конечно, — пробормотал последний, — я принужден подчиняться силе, притом мне нечего бояться...

— Тогда приступим к выработке условий.¹⁵⁰

Ни один балканский аэроплан, значилось в принятом сторонами письменном условии, не поднимется с земли до окончания обыска. Воздушный флот Единой Республики наблюдает за производством оног¹⁵¹, держась над территорией страны. По всем городам и селам должны быть расклеены объявления с обещанием крупной награды всякому, кто поможет найти спрятанную где-нибудь бомбу, заряженную «каролинумом».

— Подпишите, — пододвинул Эгберт бумагу царю.

— Зачем?

— Чтобы показать вашу непричастность делу укрывательства. Царю больше ничего не оставалось, как проставить свое имя.¹⁵²

Когда после этого царь и министр¹⁵³ очутились наедине, царь уже не мог скрыть своего волнения.

¹⁴⁸ Далее вычеркнуто: выполнить

¹⁴⁹ Далее вычеркнуто: недопустимо

¹⁵⁰ Далее вычеркнуто: Тотчас уже был составлен акт, по которому ни

¹⁵¹ Далее вычеркнуто: крейсируя

¹⁵² Далее вычеркнуто: над бумагой

¹⁵³ Далее вычеркнуто: остались

— Он нас повесит. Вот увидите.

— Нас? — процедил Пестович, презрительно усмехаясь.

— О, будь они прокляты! Я здесь — последний монарх, и неужели вы думаете, что они упустят случай меня повесить, как собаку?! А этот предатель! Когда-то и он был королем, помазанником божьим, а теперь, тьфу! Нет, не дамся. Мы должны переправить бомбы в другое место.

— Пусть лежат, где лежали, — запротестовал Пестович.

Но Карл не слушал:

— Нет. Мы их перенесем к самой границе. Надо купить за границей аэроплан и...

В течение целого вечера царь был вне себя. Надо непременно убрать бомбы. И поскорее. Двух автомобилей для этого достаточно. Пестович пошел сделать нужные приготовления.

Было далеко за полночь, когда царь Карл в черном плаще и нахлобученной шляпе, в которой его легко было принять за крестьянина, проскользнул через маленькую незаметную дверцу в восточной стене дворца и стал спускаться по откосу густого дворцового сада по направлению к городу. Пестович и его верный телохранитель Петр, оба точно так же переодетые, вышли из лавровых кустов и присоединились к царю.

Была ясная теплая ночь, но звезды казались необычайно мелкими и далекими, благодаря лучам аэроплановых прожекторов, которые то здесь, то там рассекали темную синеву неба.

Один огромный луч остановился на мгновение на царе. Когда он выходил из дворца, но тотчас уже скользнул дальше. Зато, когда они, все трое, крались вдоль садовой стены, вдруг луч внезапно ударил им в глаза.

— Нас видят, — шепнул Карл.

Он поднял лицо к небу и встретил спокойный круглый светящийся глаз, который как будто подмигнул и тотчас же закрылся.

Все трое продолжали путь. Они шли по кривым и пустынным переулкам столицы, выбирая самые глухие из них. В условленном месте поджидал автомобиль. Рядом с шофером сидел секретарь Пестовича, знавший дорогу к складу бомб.

Автомобиль, не зажигая огней, пробрался через новый мост к окраине города. Все шло пока благополучно. Но¹⁵⁴ выбравшись за город, заговорщики опять увидели огни прожекторов, проворно ползающие по полю и оцепывающие дороги.

¹⁵⁴ Далее вычеркнуто: как только они

— Мне это не нравится, — пробормотал царь.

Вскоре одно из сине-белых ползучих пятен остановилось над ними и, казалось, прилипло к их мчащемуся автомобилю. Царь беспокойно заворочался на сидении:

— Черт возьми! Как они беззвучны. Такое чувство, как будто за тобой охотятся белые кошки.

Вдруг страх овладел им:

— Пестович, — схватил он своего молчаливого спутника за руку, — вернемся! Остановите автомобиль¹⁵⁵.

— Вам захотелось виселицы? — Спросил Пестович и дал знак за- тормозившему было машину шоферу ехать дальше.

Карл трясся, как в лихорадке.

— Смотрите, — сказал Пестович, успокаивая его, — свет погас.

— Мне кажется, он летит над нами с потушенным прожектором, — ответил царь, лязгая зубами.

Минут десять спустя они уже перелезали через стену, окружавшую сарай и строения подгородного хутора, где у подземного склада кароли- нума должны были их ждать замаскированные сеном тяжеловозы для¹⁵⁶ бомб. Все трое были в поту¹⁵⁷ и грязи. Казалось, прожектора их потеряли из виду. Но когда они подходили к сараям, вокруг снова засиял яркий свет.

— Скорее, в сарай! — крикнул царь и бросился к тяжелой двери. Все трое, наконец, очутились внутри железного сарая, где стояло два огромных тяжеловоза.

Курт и Абель, братья Петра, привезли их туда днем. Верхняя половина сена, наваленного на площадке машин, была уже снята, готовая прикрыть бомбы, как только царь укажет, где они спрятаны.

— Здесь, в погребе, — сказал он, — поднимайте этот заслон. Так не зажигать другого фонаря. Вот ключ.

Раздавался звук поднимаемой плиты. Потом стук ног спускаю- щихся по ступеням вниз; наконец шепот и тяжелое дыхание Курта и Авеля поднимающихся с бомбами на плечах вверх.

— Мне кажется, успеем..., — пробормотал царь, несколько успо- каиваясь, — но, черт побери, зачем не заперли дверь сарая?

Дверь была открыта настежь, и весь двор, она сама и части сарая была залиты слепящим светом.

— Затворите, — приказал Пестович.

— Стой, не надо! — крикнул царь, но было уже поздно, — Петр

¹⁵⁵ Далее вычеркнуто: в течение нескольких секунд внутри автомобиля

¹⁵⁶ Далее вычеркнуто: перевозки

¹⁵⁷ Далее вычеркнуто: и забрызганы грязью

шагнул в полосу света. Курт оттянул брата назад. С минуту все пятеро стояли, прижавшись к стенке.

Казалось, свет не хотел уходить, потом вдруг он погас, и заговорщики остались, как слепые в темноте

— Вот теперь, — сказал царь, опять начиная дрожать мелкой трясью, — теперь закройте дверь.

— Не совсем, — поправил Пестович, — оставьте¹⁵⁸ щель, чтобы можно было пролезть.

Перетаска и погрузка бомб оказались тяжелой работой, пришлось потрудиться и царю. Курт и Авель выносили черные массы из погреба. Петр доносил их до мотора. Царь и Пестович помогали ему укладывать их в сено. Работали в полной тишине.

— Ш...ш...ш..., — вдруг остановил всех царь. — Что это? Насторожившись, все застыли, глядя в узкую щель меж дверью и косяком.

Дверная доска дернулась, увеличивая просвет, и в отверстие ее выдвинулась черная фигура человека.

— Кто тут? — спросил четкий голос. Пестович отвечал:

— Селяне, грузящие сено, — и схватив вилы, прислоненные к стене, беззвучно шагнул к двери.

— Вы грузите сено в плохое время и при плохом свете, — насмешливо отчеканил голос, — вдруг в руке говорившего вспыхнул электрический фонарь.

В то же мгновенье Пестович¹⁵⁹ всадил ему вилы в грудь. Фонарь погас и, звякнув, упал. Упал и человек, но все же он успел крикнуть:

— Бомбы!!!

И тотчас же на дворе послышался топот ног. Дверь слетела с петель и десяток ружейных дул направился на заговорщиков.

Лежавший у порога был тяжело ранен, но не терял присутствия духа, «бомбы», повторил он, и, нащупав на земле свой оброненный фонарик,¹⁶⁰ направлял его свет на лица пятерых, прижавшихся к задней стене сарая.

— Застрелите их! — крикнул он, кашлял кровью, — не то...

Пестович уже крался по стенке к ближайшей бомбе. Но в это время грянул залп.¹⁶¹ Раненный,¹⁶² лежавший все еще держал в костенеющих пальцах свой фонарь: увидев, что дело сделано, он разжал пальцы и дернувшись вытянулся и затих.

¹⁵⁸ Далее вычеркнуто: отверстие

¹⁵⁹ Далее вычеркнуто: ударил его

¹⁶⁰ Далее вычеркнуто: ударил его светом

¹⁶¹ Далее вычеркнуто: Когда все было кончено

¹⁶² Далее вычеркнуто: умиравший

7.

Было еще темно, когда делегату Республики, Эгберту доложили, что все кончено.

Он вскочил и уселся на краю кровати:

— Я сейчас оденусь. И туда.

Алое солнце уже подымалось из-за края кукурузных полей, когда автомобиль делегата подкатил к сараю, где лежал последний царь среди своих бомб.

Бомбы были уложены в грузовики. Возле них и вокруг двора стояла охрана. За ее кольцом толпились любопытствующие крестьяне. Эгберт вышел внутрь двора. У¹⁶³ железной стены сарая, аккуратно сложенные рядышком, лежали пять трупов.

Летчики, очевидно, унесли.

Эгберт распорядился о немедленной отправке груза «каролинума» в лабораторию около Цюриха, где их разрядили при помощи особого вещества (хлорина).

Затем он повернулся к трупам.

— Гм... интересно знать, много ли еще их осталось?

— Бомб? — спросил его неизменный спутник Фэрмин.

— Нет, таких вот царей. Ну, что ж, похороните их.

— Вон там?

— Нет, не зарывайте у колодца. Не забудьте, ведь из колодца будут пить люди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Ариас-Вихиль М.А., Полонский В.В. История издательства «Всемирная литература» в документах: финансовый аспект (1918–1921 гг.) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 4. С. 374–393. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-374-393>
2. Заблудовский М. Уэллс // Литературная энциклопедия: в 11 т. [М.]: Изд-во Коммунистической академии, Сов. энциклопедия, Худож. лит., 1929–1939. Т. 11. Стб. 630–634.
3. Замятин Е.И. Герберт Уэллс. СПб.: Эпоха, 1922. 47 с. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/zamyatin-gerbert-uells.htm> (дата обращения: 12.11.2023).

¹⁶³ Далее вычеркнуто: каменной

4. *Левидова И.М., Парчевская Б.М.* Герберт Джордж Уэллс. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1889–1965. М.: Книга, 1966. 167 с.
5. *Лейтес А.* Литература двух миров. М.: Сов. писатель, 1934. 181 с.
6. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. 768 с.
7. *Московская Д.С.* Из архива Госиздата в ОР ИМЛИ РАН // Codex manuscriptus. Статьи и архивные публикации. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 1. С. 14–40.
8. *Неминуций А.Н.* Homo transformis в романе С. Кржижановского «Странствующее Странно» // Кржижановский-I / ред Ф.П. Федоров. Даугавпилс: Saule, 2003. С. 186–193.
9. Петроградский Дом ученых. 1920–1921. История в документах / сост. М.Н. Величко, А.Н. Чистиков. СПб.: Сударыня, 2000. 74 с.
10. *Родионова Н.А.* Герберт Уэллс и фабианское общество: 1910-е годы // Научные ведомости БелГу. 2007. № 8 (39), вып. 4. С. 35–38.
11. *Cole M.* The Story of Fabian Socialism. Stanford: Stanford University Press, 1961. 366 p.

Источники

12. *Кольцов М.Е.* Собр. соч.: в 11 т. М.: Сов. лит., 1933. Т. 11. 333 с.
13. *Уэллс Г.* Освобожденный мир. Повесть о человечестве / авториз. пер. с англ. М. Ликиардопуло. М.: Польза, В. Антик и К°, 1914. 312 с.
14. *Уэллс Г.* Освобожденный мир. Повесть о человечестве / авториз. пер. с англ. М. Ликиардопуло. М.: Универсальная библиотека, 1919. 312 с.
15. *Уэллс Г.* Россия во мгле. М.: Политиздат, 1959. 104 с.

HERBERT WELLS' "THE WORLD SET FREE" ADAPTED BY SIGIZMUND KRZYŻANOWSKI

© 2024. Darya S. Moskovskaya

A.M. Gorky Institute of the World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: An adapted and abridged version of H. Wells' novel "The World Set Free" made by S.D. Krzyżanowski in summer 1923 was found in Gosizdat archives

in the Manuscript Department of A.M. Gorky Institute of the World Literature RAS. It has been never published before. It was not the original that Krzyżanowski used but the translation made by M. Likiardopulo in 1914. While working, Krzyżanowski obviously took into consideration the ideological context of his time; on the one hand, he cut the text, on the other, he “expanded” it to make it understandable for the workers and peasants. The title of the novel loses its general subtitle “A Story of Mankind” abstracting away the precise class content. We can see that Likiardopulo’s translation was revised not mechanically but in view of the shape that was bound to arise in the Russian-speaking worker-peasant audience. The manuscript was sent to the literary and art department of Gosizdat in the series “Izba-chitalnya” but did not get past the censors and was rejected as a utopian story wrongly covering social events. The adaptation made by Krzyżanowski is published here for the first time.

Keywords: Sigizmund Krzyżanowski, Herbert Wells, publication, archives, revision, abridged edition, censorship, mass reader, “Izba-chitalnya” series, Gosizdat, E. Zamyatin, M. Gorky.

Information about the author: Daria S. Moskovskaya, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Manuscript Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>

E-mail: darya-mos@yandex.ru

For citation: Moskovskaya, D.S., editor. “Herbert Wells’ ‘The World Set Free’ Adapted by Sigizmund Krzyżanowski.” *Codex manuscriptus*, issue 4. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 316–361. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-316-361>

REFERENCES

1. Arias-Vikhil, M.A., and V.V. Polonsky. “Istoriia izdatel'stva ‘Vsemirnaia literatura’ v dokumentakh: finansovyi aspekt (1918–1921 gg.)” [“Documented History of the ‘World Literature’ Publishing House: Financial Aspect (1918–1921)”]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 4, 2020, pp. 374–393. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-374-393>
2. Zabludovskii, M. “Uells” [“Wells”]. *Literaturnaia entsiklopediia: v 11 t. [Literary Encyclopedia: in 11 vols.]*, vol. 11. [Moscow], Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii Publ., Sovetskaia entsiklopediia Publ., Khudozhestvennaia literatura Publ., 1929–1939. Col. 630–634. (In Russ.)
3. Zamiatin, E.I. *Gerbert Uells [Herbert Wells]*. St. Petersburg, Epokha Publ., 1922. 47 p. Available at: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles->

- angliya/zamyatin-gerbert-uells.htm (Accessed 12 November 2023). (In Russ.)
4. Levidova, I.M., and B.M. Parchevskaia. *Gerbert Dzhordzh Uells. Bibliografiia russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom iazyke. 1889–1965* [Herbert George Wells. *Bibliography of Russian Translations and Critics in Russian Language. 1889–1965*]. Moscow, Kniga Publ., 1966. 167 p. (In Russ.)
 5. Leites, A. *Literatura dvukh mirov* [Literature of Two Worlds]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1934. 181 p. (In Russ.)
 6. Galushkin, A.Iu., editor. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. So-bytiia. Otsyvy sovremennikov. Bibliografiia* [The Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of contemporaries. Bibliography], vol. 1, part 1: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [Moscow and Petrograd. 1917–1920]. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 768 p. (In Russ.)
 7. Moskovskaia, D.S. “Iz arkhiva Gosizdata v OR IMLI RAN” [“From the Archive of Gosizdat of MD IWL RAS”]. *Codex manuscriptus*, issue 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 14–40. (In Russ.)
 8. Neminushchii, A.N. “Homo transformis v romane S. Krzhizhanovskogo ‘Stranstvuiushchee Stranno’” [“Homo Transformis in S. Krzyżanowski’s Novel ‘Travelling Strangely’”]. Fedorov, F.P., editor. *Krzhizhanovskii-I* [Krzyżanowski-I]. Daugavpils, Saule Publ., 2003, pp. 186–193. (In Russ.)
 9. Velichko, M.N., and A.N. Chistikov. *Petrogradskii Dom uchenykh. 1920–1921. Istoriia v dokumentakh* [Petrograd House of Scientists. 1920–1921. History in Documents]. St. Petersburg, Sudarynia Publ., 2000. 76 p. (In Russ.)
 10. Rodionova, N.A. “Gerbert Uells i fabianskoe obshchestvo: 1910-e gody” [“Herbert Wells and the Fabian Society: 1910s”]. *Nauchnye vedomosti Bel-Gu*, no. 8 (39), issue 4, 2007, pp. 35–38. (In Russ.)
 11. Cole, Margaret. *The Story of Fabian Socialism*. Stanford, Stanford University Press, 1961. 366 p. (In English)